

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://saltykov-shchedrin.ru/> приятного чтения!

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826–1889)

Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «Примите уверение в совершенном моём почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подъяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними и не случилось.

– Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, – сказал один генерал, – вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

– Господи! да что ж это такое! где мы! – вскрикнули оба не своим голосом. И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что всё это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось всё то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

– Теперь бы кофейку испить хорошо! – молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

– Что же мы будем, однако, делать? – продолжал он сквозь слёзы. – Ежели теперича доклад написать – какая польза из этого выйдет?

– Вот что, – отвечал другой генерал, – подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдёмся; может быть, что-нибудь и найдём.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

– Вот что, ваше превосходительство: вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! – сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил ещё в школе военных кантонистов учителем каллиграфии и, следовательно, был поумнее.

Сказано – сделано. Пошёл один генерал направо и видит – растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть – ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришёл генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на фонтанке, так и кишит, и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подъяческую!» – подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашёл генерал в лес – а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

– Господи! еды-то! еды-то! – сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

– Ну что, ваше превосходительство, промыслил что-нибудь?

– Да вот нашёл старый нумер «Московских ведомостей», и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натошак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днём плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

– Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растёт? – сказал один генерал.

– Да, – отвечал другой генерал, – признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают!

– Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала её изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как всё это сделать?

– Как всё это сделать? – словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон.

Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка поджаренные, с огурцами, пикулями и другим салатом.

– Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! – сказал один генерал.

– Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! – вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился злоеший огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

– С нами крестная сила! – сказали они оба разом. – Ведь этак мы друг друга съедим! И как мы попали сюда! кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл!

– Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! – проговорил один генерал.

– Начинайте! – отвечал другой генерал.

– Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

– Станный вы человек, ваше превосходительство: но ведь и вы прежде встаёте, идёте в департамент, там пишете, а потом ложитесь спать?

– Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

– Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: «Вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать – и спать пора!»

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

– Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, – начал опять один генерал.

– Как так?

– Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, ещё производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

– Тогда что ж?

– Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

– Тьфу!

Одним словом, о чём ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это ещё более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить, и, вспомнив о найденном нумере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

– «Вчера, – читал взволнованным голосом один генерал, – у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву[1] на этом волшебном празднике. Тут была и «шекснинска стерлядь золотая», и питомец лесов кавказских – фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника...»

– Тьфу ты, господи! да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? – воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочёл следующее:

– «Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре был опознан частный пристав Б.), был в здешнем клубе фестиваль. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

– Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! – прервал первый генерал и, взяв, в свою очередь, газету, прочёл:

– «Из Вятки пишут: один из здешних старожиллов изобрёл следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высечь; когда же, от огорчения, печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Всё, на что бы они ни обратили взоры, – всё свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

– А что, ваше превосходительство, – сказал он радостно, – если бы нам найти мужика?

– То есть как же... мужика?

– Ну, да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

– Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

– Как нет мужика – мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрёпанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но наконец острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навёл их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

– Спишь, лежебок! – накинулись они на него. – Небось и ухом не ведёшь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! сейчас марш работать!

Встал мужичина; видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стречка, но они так и заоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле – и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потёр их друг об дружку – и извлёк огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развёл огонь и напёк столько разной провизии, что генералам пришло даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?»

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами – нигде не пропадёшь!»

– Довольны ли вы, господа генералы? – спрашивал между тем мужичина-лежебок.

– Довольны, любезный друг, видим твоё усердие! – отвечали генералы.

– Не позволите ли теперь отдохнуть?

– Отдохни, дружок, только своей прежде верёвочку.

Набрал сейчас мужичина дикой конопли, размочил в воде, поколотил, помял – и к вечеру верёвка была готова. Этою верёвкою генералы привязали мужичину к дереву, чтоб не убёг, а сами легли спать.

Прошёл день, прошёл другой; мужичина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы весёлые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всём готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние всё накапливаются да накапливаются.

– А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение или это только так, одно иносказание? – говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

– Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

– Стало быть, и потоп был?

– И потоп был, потому что, в противном случае, как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более, что в «Московских ведомостях» повествуют...

– А не почитать ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут нумер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани – и ничего, не тошнит!

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
* * *

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

– Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? – спрашивал один генерал другого.

– И не говорите, ваше превосходительство! Всё сердце изныло! – отвечал другой генерал.

– Хорошо-то оно хорошо здесь – слова нет! а всё, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! да и мундира тоже жалко!

– Ещё как жалко-то! Особливо, как четвёртого класса, так на одно шитьё посмотреть, голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мёд-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

– А ведь мы с Подьяческой генералы! – обрадовались генералы.

– А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на верёвке, и стену краской мажет или по крыше словно муха ходит – это он самый я и есть! – отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицким его трудом не гнушались! И выстроил он корабль – не корабль, а такую посудину, что можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

– Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! – сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

– Будьте покойны, господа генералы, не впервой! – отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунеядство – этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик всё гребёт да гребёт да кормит генералов селёдками.

Вот наконец и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да весёлые! Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство, и сколько тут денег загребли – того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и об мужике не забыли; выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!

1869

Дикий помещик

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был помещик, жил и на свет глядячи радовался. Всего у него было довольно: и крестьян, и хлеба, и скота, и земли, и садов. И был тот помещик глупый, читал газету «Весть» и тело имел мягкое, белое и рассыпчатое.

Только и взмолился однажды богу этот помещик:

– Господи! всем я от тебя доволен, всем награждён! Одно только сердцу моему непереносно: очень уж много развелось в нашем царстве мужика!

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Но бог знал, что помещик тот глупый, и прошению его не внял.

Видит помещик, что мужика с каждым днём не убывает, а всё прибывает, – видит и опасается: «А ну, как он у меня всё добро приест?»

Заглянет помещик в газету «Весть», как в сем случае поступать должно, и прочитает: «Старайся!»

– Одно только слово написано, – молвит глупый помещик, – а золотое это слово!

И начал он стараться, и не то чтоб как-нибудь, а всё по правилу. Курица ли крестьянская в господские овсы забредёт – сейчас её, по правилу, в суп; дровец ли крестьянин нарубить, по секрету, в господском лесу соберётся – сейчас эти самые дрова на господский двор, а с порубщика, по правилу, штраф.

– Больше я нынче этими штрафами на них действую! – говорит помещик соседям своим. – Потому что для них это понятнее.

Видят мужики: хоть и глупый у них помещик, а разум ему дан большой. Сократил он их так, что некуда носа высунуть: куда ни глянут – всё нельзя, да не позволено, да не ваше! Скотинка на водопой выйдет – помещик кричит: «Моя вода!» – курица за околицу выбредет – помещик кричит: «Моя земля!» И земля, и вода, и воздух – всё его стало! Лучины не стало мужику в светец зажечь, прута не стало, чем избу вымести. Вот и взмолились крестьяне всем миром к господу богу:

– Господи! легче нам пропасть и с детьми с малыми, нежели всю жизнь так маяться!

Услышал милостивый бог слёзную молитву сиротскую, и не стало мужика на всём пространстве владений глупого помещика. Куда девался мужик – никто того не заметил, а только видели люди, как вдруг поднялся мякинный вихрь и, словно туча чёрная, пронеслись в воздухе посконные мужицкие портки. Вышел помещик на балкон, потянул носом и чует: чистый-пречистый во всех его владениях воздух сделался. Естественно, остался доволен. Думает: «Теперь-то я понежу своё тело белое, тело белое, рыхлое, рассыпчатое!»

И начал он жить да поживать и стал думать, чем бы ему свою душу утешить.

«Заведу, думает, театр у себя! напишу к актёру Садовскому: приезжай, мол, любезный друг! и актёрок с собой привози!»

Послушался его актёр Садовский: сам приехал и актёрок привёз. Только видит, что в доме у помещика пусто и ставить театр и занавес поднимать некому.

– Куда же ты крестьян своих девал? – спрашивает Садовский у помещика.

– А вот бог, по молитве моей, все мои владения от мужика очистил!

– Однако, брат, глупый ты помещик! кто же тебе, глупому, умываться подаёт?

– Да я уж и то сколько дней немытый хожу!

– Стало быть, шампиньоны на лице ро стить собрался? – сказал Садовский, и с этим словом и сам уехал, и актёрок увёз.

Вспомнил помещик, что есть у него поблизости четыре генерала знакомых; думает: «Что это я всё гранпасьянс да гранпасьянс раскладываю! Попробую-ко я с генералами впятером пультку-другую сыграть!»

Сказано – сделано: написал приглашения, назначил день и отправил письма по адресу. Генералы были хоть и настоящие, но голодные, а потому очень скоро приехали. Приехали – и не могут надивиться, отчего такой у помещика чистый воздух стал.

– А оттого это, – хвастается помещик, – что бог, по молитве моей, все владения мои от мужика очистил!

– Ах, как это хорошо! – хвалят помещика генералы. – Стало быть, теперь у вас этого холопьего запаха нисколько не будет?

– Нисколько, – отвечает помещик.

Сыграли пульку, сыграли другую; чувствуют генералы, что пришёл их час водку пить, приходят в беспокойство, озираются.

– Должно быть, вам, господа генералы, закусить захотелось? – спрашивает помещик.

– Не худо бы, господин помещик!

Встал он из-за стола, подошёл к шкапу и вынимает оттуда по леденцу да по печатному прянику на каждого человека.

– Что ж это такое? – спрашивают генералы, вытаращив на него глаза.

– А вот, закусите, чем бог послал!

– Да нам бы говядинки! говядинки бы нам!

– Ну, говядинки у меня про вас нет, господа генералы, потому что с тех пор, как меня бог от мужика избавил, и печка на кухне стоит нетоплена!

Рассердились на него генералы, так что даже зубы у них застучали.

– Да ведь жрёшь же ты что-нибудь сам-то? – накинулись они на него.

– Сырьём кой-каким питаюсь, да вот пряники ещё покуда есть...

– Однако, брат, глупый же ты помещик! – сказали генералы и, не докончив пульки, разбрелись по домам.

Видит помещик, что его уж в другой раз дураком чествуют, и хотел было уж задуматься, но так как в это время на глаза попалась колода карт, то махнул на всё рукою и начал раскладывать гранпасьянс.

– Посмотрим, – говорит, – господа либералы, кто кого одолеет! Докажу я вам, что может сделать истинная твёрдость души!

Раскладывает он «дамский каприз» и думает: «Ежели сряду три раза выйдет, стало быть, надо не взирать». И, как назло, сколько раз ни разложит – всё у него выходит, всё выходит! Не осталось в нём даже сомнения никакого.

– Уж если, – говорит, – сама фортуна указывает, стало быть, надо оставаться твёрдым до конца. А теперь, покуда, довольно гранпасьянс раскладывать, пойду позаймусь!

И вот ходит он, ходит по комнатам, потом сядет и посидит. И всё думает. Думает, какие он машины из Англии выпишет, чтоб всё паром да паром, а холопского духу чтоб нисколько не было. Думает, какой он плодовый сад разведёт: «Вот тут будут груши, сливы; вот тут – персики, тут – грецкий орех!» Посмотрит в окошко – ан там всё, как он задумал, всё точно так уж и есть! Ломятся, по щучьему велению, под грузом плодов деревья грушевые, персиковые, абрикосовые, а он только знай фрукты машинами собирает да в рот кладёт! Думает, каких он коров разведёт, что ни кожи, ни мяса, а всё одно молоко, всё молоко! Думает, какой он клубники насадит, всё двойной да тройной, по пяти ягод на фунт, и сколько он этой клубники в Москве продаст. Наконец устанет думать, пойдёт к зеркалу посмотреться – ан там уж пыли на вершок насело...

– Сенька! – крикнет он вдруг, забывшись, но потом спохватится и скажет: – Ну, пускай себе до поры, до времени так постоит! а уж докажу же я этим либералам, что может сделать твёрдость души!

Промаячит таким манером, покуда стемнеет, – и спать!

А во сне сны ещё веселее, нежели наяву, снятся. Снится ему, что сам губернатор о такой его помещичьей непреклонности узнал и спрашивает у исправника: «Какой такой твёрдый курицын сын у вас в уезде завёлся?» Потом снится, что его за эту самую непреклонность министром сделали, и ходит он в лентах, и пишет циркуляры:

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
«Быть твёрдым и не взирать!» Потом снится, что он ходит по берегам Евфрата и Тигра...

– Ева, мой друг! – говорит он.

Но вот и сны все пересмотрел: надо вставать.

– Сенька! – опять кричит он, забывшись, но вдруг вспомнит... и поникнет головою.

– Чем бы, однако, заняться? – спрашивает он себя. – Хоть бы лешего какого-нибудь нелёгкая принесла!

И вот по этому его слову вдруг приезжает сам капитан-исправник. Обрадовался ему глупый помещик несказанно; побежал в шкаф, вынул два печатных пряника и думает: «Ну, этот, кажется, останется доволен!»

– Скажите, пожалуйста, господин помещик, каким это чудом все ваши временнообязанные вдруг исчезли? – спрашивает исправник.

– А вот так и так, бог, по молитве моей, все владения мои от мужика совершенно очистил!

– Так-с; а не известно ли вам, господин помещик, кто подати за них платить будет?

– Подати?... это они! это они сами! это их священнейший долг и обязанность!

– Так-с; а каким манером эту подать с них взыскать можно, коли они, по вашей молитве, по лицу земли рассеяны?

– Уж это... не знаю... я, с своей стороны, платить не согласен!

– А известно ли вам, господин помещик, что казначейство без податей и повинностей, а тем паче без винной и соляной регалий, существовать не может?

– Я что ж... я готов! рюмку водки... я заплачу!

– Да вы знаете ли, что, по милости вашей, у нас на базаре ни куска мяса, ни фунта хлеба купить нельзя? знаете ли вы, чем это пахнет?

– Помилуйте! я, с своей стороны, готов пожертвовать! вот целых два пряника!

– Глупый же вы, господин помещик! – молвил исправник, повернулся и уехал, не взглянув даже на печатные пряники.

Задумался на этот раз помещик не на шутку. Вот уж третий человек его дураком чувствует, третий человек посмотрит-посмотрит на него, плюнет и отойдёт. Неужто он в самом деле дурак? неужто та непреклонность, которую он так лелеял в душе своей, в переводе на обыкновенный язык означает только глупость и безумие? и неужто, вследствие одной его непреклонности, остановились и подати и регалии и не стало возможности достать на базаре ни фунта муки, ни куска мяса?

И как был он помещик глупый, то сначала даже фыркнул от удовольствия при мысли, какую он штуку сыграл, но потом вспомнил слова исправника: «А знаете ли, чем это пахнет?» – и струсил не на шутку.

Стал он, по обыкновению, ходить взад да вперёд по комнатам и всё думает: «Чем же это пахнет? уж не пахнет ли водворением каким? например, Чебоксарами? или, быть может, Варнавиным?»

– Хоть бы в Чебоксары, что ли! по крайней мере, убедился бы мир, что значит твёрдость души! – говорит помещик, а сам по секрету от себя уж думает: «В Чебоксарах-то я, может быть, мужика бы моего милого увидал!»

Походит помещик, и посидит, и опять походит. К чему ни подойдёт, всё, кажется, так и говорит: «А глупый ты, господин помещик!» Видит он, бежит через комнату мышонок и крадётся к картам, которыми он гранпасьянс делал и достаточно уже замаслил, чтоб возбудить ими мышиный аппетит.

– Кшш... – бросился он на мышонка.

Но мышонок был умный и понимал, что помещик без Сеньки никакого вреда ему сделать не может. Он только хвостом вильнул в ответ на грозное восклицание помещика и чрез мгновение уже выглядывал на него из-под дивана, как будто говоря: «Погоди, глупый помещик! то ли ещё будет! я не только карты, а и халат твой съем, как ты его позамаслишь как следует!»

Много ли, мало ли времени прошло, только видит помещик, что в саду у него дорожки репейником поросли, в кустах змеи да гады всякие кишмя кишат, а в парке звери дикие воют. Однажды к самой усадьбе подошёл медведь, сел на корточках, поглядывает в окошки на помещика и облизывается.

– Сенька! – вскрикнул помещик, но вдруг спохватился... и заплакал.

Однако твёрдость души всё ещё не покидала его. Несколько раз он ослабевал, но как только почувствует, что сердце у него начнёт растворяться, сейчас бросится к газете «Весть» и в одну минуту ожесточится опять.

– Нет, лучше совсем одичаю, лучше пусть буду с дикими зверьми по лесам скитаться, но да не скажет никто, что российский дворянин, князь Урус-Ку-чум-Кильдибаев, от принципов отступил!

И вот он одичал. Хотя в это время наступила уже осень и морозцы стояли порядочные, но он не чувствовал даже холода. Весь он, с головы до ног, оброс волосами, словно древний Исав, а ногти у него сделались как железные. Сморгаться уж он давно перестал, ходил же всё больше на четвереньках и даже удивлялся, как он прежде не замечал, что такой способ прогулки есть самый приличный и самый удобный. Утратил даже способность произносить членораздельные звуки и усвоил себе какой-то особенный победный клик, среднее между свистом, шипеньем и рывканьем. Но хвоста ещё не приобрёл.

Выйдет он в свой парк, в котором он когда-то нежил своё тело рыхлое, белое, рассыпчатое, как кошка, в один миг, взлезет на самую вершину дерева и стережёт оттуда. Прибежит это заяц, встанет на задние лапки и прислушивается, нет ли откуда опасности, – а он уж тут как тут. Словно стрела соскочит с дерева, вцепится в свою добычу, разорвёт её ногтями, да так со всеми внутренностями, даже со шкурой, и съест.

И сделался он силён ужасно, до того силён, что даже счёл себя вправе войти в дружеские сношения с тем самым медведем, который некогда посматривал на него в окошко.

– Хочешь, Михайло Иваныч, походы вместе на зайцев будем делать? – сказал он медведю.

– Хотеть – отчего не хотеть! – отвечал медведь. – Только, брат, ты напрасно мужика этого уничтожил!

– А почему так?

– А потому, что мужика этого есть не в пример способнее было, нежели вашего брата дворянина. И потому скажу тебе прямо: глупый ты помещик, хоть мне и друг!

Между тем капитан-исправник хоть и покровительствовал помещикам, но ввиду такого факта, как исчезновение с лица земли мужика, смолчать не посмел. Встревожилось его донесением и губернское начальство, пишет к нему: «А как вы думаете, кто теперь подати будет вносить? кто будет вино по кабакам пить? кто будет невинными занятиями заниматься?» Отвечает капитан-исправник: казначейство-де теперь упразднить следует, а невинные-де занятия и сами собой упразднились, вместо же них распространились в уезде грабежи, разбой и убийства. На днях-де и его, исправника, какой-то медведь не медведь, человек не человек едва не задрал, в каком-то человеко-медведе и подозревает он того самого глупого помещика, который всей смуте зачинщик.

Обеспокоились начальники и собрали совет. Решили: мужика изловить и водворить, а глупому помещику, который всей смуте зачинщик, наидели-катнейше внушить, дабы он фанфаронства свои прекратил и поступлению в казначейство податей препятствия не чинил.

Как нарочно, в это время чрез губернский город летел отроившийся рой мужиков и осыпал всю базарную площадь. Сейчас эту благодать обрали, посадили в плетушку и послали в уезд.

И вдруг опять запахло в том уезде мякиной и овчинами; но в то же время на базаре появились и мука, и мясо, и живность всякая, а податей в один день поступило столько, что казначей, увидав такую грудку денег, только всплеснул руками от удивления и вскрикнул:

– И откуда вы, шельмы, берёте!!

«Что же сделалось, однако, с помещиком?» – спросят меня читатели. На это я могу сказать, что хотя и с большим трудом, но и его изловили. Изловивши, сейчас же высморкали, вымыли и обстригли ногти. Затем капитан-исправник сделал ему надлежащее внушение, отобрал газету «Весть» и, поручив его надзору Сеньки, уехал.

Он жив и доныне. Раскладывает гранпасьянс, тоскует по прежней своей жизни в лесах, умывается лишь по принуждению и по временам мычит.

1869

Премудрый пискарь

Жил-был пискарь. И отец и мать у него были умные; помаленьку да полегоньку аридовы веки^[2] в реке прожили и ни в уху, ни к щуке в хайло не попали. И сыну то же заказали. «Смотри, сынок, – говорил старый пискарь, умирая, – коли хочешь жизнью жуировать, так гляди в оба!»

А у молодого пискаря ума палата была. Начал он этим умом раскидывать и видит: куда ни обернётся – везде ему мат. Кругом, в воде, всё большие рыбы плавают, а он всех меньше; всякая рыба его заглотать может, а он никого заглотать не может. Да и не понимает: зачем глотать? Рак может его клешней пополам перерезать, водяная блоха – в хребет впиться и до смерти замучить. Даже свой брат пискарь – и тот, как увидит, что он комара изловил, целым стадом так и бросятся отнимать. Отнимут и начнут друг с дружкой драться, только комара задаром растреплют.

А человек? – что это за ехидное создание такое! каких каверз он ни выдумал, чтоб его, пискаря, напрасною смертью погублять! И невода, и сети, и верши, и норота, и, наконец... уду! Кажется, что может быть глупее уды? – Нитка, на нитке крючок, на крючке – червяк или муха надеты... Да и надеты-то как?.. в самом, можно сказать, неестественном положении! А между тем именно на уду всего больше пискарь и ловится!

Отец-старик не раз его насчёт уды предостерегал. «Пуще всего берегись уды! – говорил он, – потому что хоть и глупейший это снаряд, да ведь с нами, пискарями, что глупее, то вернее. Бросят нам муху, словно нас же приголубить хотят; ты в неё вцепишься – ан в мухе-то смерть!»

Рассказывал также старик, как однажды он чуть-чуть в уху не угодил. Ловили их в ту пору целою артелью, во всю ширину реки невод растянули, да так версты с две по дну волоком и волокли. Страсть, сколько рыбы тогда попало! И щуки, и окуни, и головли, и плотва, и гольцы, – даже лещей-лебебоков из тины со дна поднимали! А пискарям так и счёт потеряли. И каких страхов он, старый пискарь, натерпелся, покуда его по реке волокли, – это ни в сказке сказать, ни пером описать. Чувствует, что его везут, а куда – не знает. Видит, что у него с одного боку – щука, с другого – окунь; думает: вот-вот сейчас или та, или другой его съедят, а они – не трогают... «В ту пору не до еды, брат, было!» У всех одно на уме: смерть

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru пришла! а как и почему она пришла – никто не понимает. Наконец стали крылья у невода сводить, выволокли его на берег и начали рыбу из мотни в траву валить. Тут-то он и узнал, что такое уха. Трепещется на песке что-то красное; серые облака от него вверх бегут; а жарко таково, что он сразу разомлел. И без того без воды тошно, а тут ещё поддают... Слышит – «костёр», говорят. А на «костре» на этом чёрное что-то положено, и в нём вода, точно в озере, во время бури, ходуном ходит. Это – «котёл», говорят. А под конец стали говорить: вали в «котёл» рыбу – будет «уха»! И начали туда нашего брата валить. Шваркнет рыбак рыбину – та сначала окунётся, потом как полоумная выскочит, потом опять окунётся – и присмирееет. «Ухи», значит, отведала. Валили-валили сначала без разбора, а потом один старичок глянул на него и говорит: «Какой от него, от малыша, прок для ухи! пушай в реке порастёт!» Взял его под жабры, да и пустил в вольную воду. А он, не будь глуп, во все лопатки – домой! Прибежал, а пискариха его из норы ни жива ни мертва выглядывает...

И что же! сколько ни толковал старик в ту пору, что такое уха и в чём она заключается, однако и поднесь в реке редко кто здравые понятия об ухе имеет!

Но он, пискарь-сын, отлично запомнил поучения пискаря-отца, да и на ус себе намотал. Был он пискарь просвещённый, умеренно-либеральный, и очень твёрдо понимал, что жизнь прожить – не то, что мутовку облизать. «Надо так прожить, чтоб никто не заметил, – сказал он себе, – а не то как раз пропадёшь!» – и стал устраиваться. Первым делом, нору для себя такую придумал, чтоб ему забраться в неё было можно, а никому другому – не влезть! Долбил он носом эту нору целый год, и сколько страху в это время принял, ночуя то в иле, то под водяным лопухом, то в осоке. Наконец, однако, выдолбил на славу. Чисто, аккуратно – именно только одному поместиться впору. Вторым делом, насчёт житья своего решил так: ночью, когда люди, звери, птицы и рыбы спят – он будет моцион делать, а днём – станет в норе сидеть и дрожать. Но так как пить-есть всё-таки нужно, а жалованья он не получает и прислуги не держит, то будет он выбегать из норы около полдён, когда вся рыба уж сыта, и, бог даст, может быть, козявку-другую и промыслит. А ежели не промыслит, так и голодный в норе заляжет и будет опять дрожать. Ибо лучше не есть, не пить, нежели с сытым желудком жизни лишиться.

Так он и поступал. Ночью моцион делал, в лунном свете купался, а днём забирался в нору и дрожал. Только в полдни выбежит кой-чего похватать – да что в полдень промыслишь! В это время и комар под лист от жары прячется, и букашка под кору хоронится. Поглощает воды – и шабаш!

Лежит он день-деньской в норе, ночей недосыпает, куска недоедает и всё-то думает: «Кажется, что я жив? ах, что-то завтра будет?»

Задремлет, грешным делом, а во сне ему снится, что у него выигранный билет и он на него двести тысяч выиграл. Не помня себя от восторга, перевернётся на другой бок – глядь, ан у него целых полрыла из норы высунулось... Что, если б в это время журёнок поблизости был! ведь он бы его из норы-то вытащил!

Однажды проснулся он и видит: прямо против его норы стоит рак. Стоит неподвижно, словно околдованный, вытарачив на него костяные глаза. Только усы по течению воды пошевеливаются. Вот когда он страху набрался! И целых полдня, покуда совсем не стемнело, этот рак его поджидал, а он тем временем всё дрожал, всё дрожал.

В другой раз, только что успел он перед зорькой в нору воротиться, только что сладко зевнул, в предвкушении сна, – глядит, откуда ни возьмись, у самой норы щука стоит и зубами хлопает. И тоже целый день его стерегла, словно видом его одним сыта была. А он и щуку надул: не вышел из норы, да и шабаш.

И не раз, и не два это с ним случалось, а почесть что каждый день. И каждый день он, дрожа, победы и одоления одерживал, каждый день восклицал: «Слава тебе, господи! жив!»

Но этого мало: он не женился и детей не имел, хотя у отца его была большая семья. Он рассуждал так: «Отцу шутя можно было прожить! В то время и щуки были добрее, и окуни на нас, мелюзгу, не зарились. А хотя однажды он и попал было в уху, так и тут нашёлся старичок, который его вызволил! А нынче, как рыба-то в

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
реках повывелась, и пискари в честь попали. Так уж тут не до семьи, а как бы только самому прожить!»

И прожил премудрый пискарь таким родом с лишком сто лет. Всё дрожал, всё дрожал. Ни друзей у него, ни родных; ни он к кому, ни к нему кто. В карты не играет, вина не пьёт, табаку не курит, за красными девушками не гоняется – только дрожит да одну думу думает: «Слава богу! кажется, жив!»

Даже щуки под конец и те стали его хвалить: «Вот, кабы все так жили, – то-то бы в реке тихо было!» Да только они это нарочно говорили; думали, что он на похвалу-то отрекомендуется – вот, мол, я! тут его и хлоп! Но он и на эту штуку не поддался, а ещё раз своею мудростью козни врагов победил.

Сколько прошло годов после ста лет – неизвестно, только стал премудрый пискарь помирать. Лежит в норе и думает: «Слава богу, я своею смертью помираю, так же, как умерли мать и отец». И вспомнились ему тут щучьи слова: «Вот, кабы все так жили, как этот премудрый пискарь живёт...» А ну-тка, в самом деле, что бы тогда было?

Стал он раскидывать умом, которого у него была палата, и вдруг ему словно кто шепнул: «Ведь этак, пожалуй, весь пискарий род давно перевёлся бы!»

Потому что, для продолжения пискарьего рода, прежде всего нужна семья, а у него её нет. Но этого мало: для того, чтоб пискарья семья укреплялась и процветала, чтоб члены её были здоровы и бодры, нужно, чтоб они воспитывались в родной стихии, а не в норе, где он почти ослеп от вечных сумерек. Необходимо, чтоб пискари достаточное питание получали, чтоб не чуждались обществу, друг с другом хлеб-соль бы водили и друг от друга добродетелями и другими отличными качествами заимствовались. Ибо только такая жизнь может совершенствовать пискарью породу и не дозволит ей измельчать и вырождаться в сметку.

Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пискари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят.

Всё это представилось до того отчётливо и ясно, что вдруг ему страстная охота пришла: «Вылезу-ка я из норы да гоголем по всей реке проплыву!» Но едва он подумал об этом, как опять испугался. И начал, дрожа, помирать. Жил – дрожал, и умирал – дрожал.

Вся жизнь мгновенно перед ним пронеслась. Какие были у него радости? кого он утешил? кому добрый совет подал? кому доброе слово сказал? кого приютил, обогрел, защитил? кто слышал об нём? кто об его существовании вспомнит?

И на все эти вопросы ему пришлось отвечать: «Никому, никто».

Он жил и дрожал – только и всего. Даже вот теперь: смерть у него на носу, а он всё дрожит, сам не знает, из-за чего. В норе у него темно, тесно, повернуться негде; ни солнечный луч туда не заглянет, ни теплом не пахнёт. И он лежит в этой сырой мгле, незрячий, измождённый, никому не нужный, лежит и ждёт: когда же, наконец, голодная смерть окончательно освободит его от бесполезного существования?

Слышно ему, как мимо его норы шмыгают другие рыбы – может быть, как и он, пискари, – и ни одна не поинтересуется им. Ни одной на мысль не придёт: «Дай-ка, спрошу я у премудрого пискаря, каким он манером умудрился с лишком сто лет прожить, и ни щука его не заглотала, ни рак клешней не перешиб, ни рыболов на уду не поймал?» Плынут себе мимо, а может быть, и не знают, что вот в этой норе премудрый пискарь свой жизненный процесс завершает!

И что всего обиднее: не слышать даже, чтоб кто-нибудь премудрым его называл. Просто говорят: «Слыхали вы про остолопа, который не ест, не пьёт, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит, а всё только распостылюю свою жизнь

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru бережёт?» А многие даже просто дураком и срамцом его называют и удивляются, как таких идолов вода терпит.

Раскидывал он таким образом своим умом и дремал. То есть не то что дремал, а забываться уж стал. Раздались в его ушах предсмертные шёпоты, разлилась по всему телу истома. И привиделся ему тут прежний соблазнительный сон. Выиграл будто бы он двести тысяч, вырос на целых пол-аршина и сам щук глотает.

А покуда ему это снилось, рыло его, помаленьку да полегоньку, целиком из норы и высунулось.

И вдруг он исчез. Что тут случилось – щука ли его заглотала, рак ли клешней перешиб, или сам он своею смертью умер и всплыл на поверхность – свидетелей этому делу не было. Скорее всего – сам умер, потому что какая сласть щуке глотать хворого, умирающего пискаря, да к тому же ещё и премудрого?

1883

Самоотверженный заяц

Однажды заяц перед волком провинился. Бежал он, видите ли, неподалёку от волчьего логова, а волк увидел его и кричит: «Зайнйка! остановись, миленький!» А заяц не только не остановился, а ещё пуще ходу прибавил. Вот волк в три прыжка его поймал да и говорит: «За то, что ты с первого моего слова не остановился, вот тебе моё решение: приговариваю я тебя к лишению живота посредством растерзания. А так как теперь и я сыт, и волчиха моя сыта, и запасу у нас ещё дней на пять хватит, то сиди ты вот под этим кустом и жди очереди. А может быть... ха-ха... я тебя и помилую!»

Сидит заяц на задних лапках под кустом и не шевельнётся. Только об одном думает: «Через столько-то суток и часов смерть должна прийти». Глянет он в сторону, где находится волчье логово, а оттуда на него светящееся волчье око смотрит. А в другой раз и ещё того хуже: выйдут волк с волчихой и начнут по полянке мимо него погуливать. Посмотрят на него, и что-то волк волчихе по-волчьему скажет, и оба зальются: «Ха-ха!» И волчата тут же за ними увяжутся; играючи, к нему подбегут, ласкаются, зубами стучат... А у него, у зайца, сердце так и закатится!

Никогда он так не любил жизни, как теперь. Был он заяц обстоятельный, высмотрел у вдовы, у зайчихи, дочку и жениться хотел. Именно к ней, к невесте своей, он и бежал в ту минуту, как волк его за шиворот ухватил. Ждёт, чай, его теперь невеста, думает: «Изменил мне косою!» А может быть, подождала-подождала да и с другим... любила... А может быть и так: играла бедняжка, в кустах, а тут её волк... и слопал!..

Думает это бедняга и слезами так и захлёбывается. Вот они, заячьи-то мечты! жениться рассчитывал, самовар купил, мечтал, как с молодой зайчихой будет чай-сахар пить, и вместо всего – куда угодил! А сколько, бишь, часов до смерти-то осталось?

И вот сидит он однажды ночью и дремлет. Снится ему, будто волк его при себе чиновником особых поручений сделал, а сам, покуда он по ревизиям бегает, к его зайчихе в гости ходит... Вдруг слышит, словно его кто-то под бок толкнул. Оглядывается – ан это невестин брат.

– Невеста-то твоя помирает, – говорит. – Прослышала, какая над тобой беда стряслась, и в одночасье зачахла. Теперь только об одном и думает: «Неужто я так и помру, не простившись с ненаглядным моим!»

Слушал эти слова осуждённый, и сердце его на части разрывалось. За что? чем заслужил он свою горькую участь? Жил он открыто, революций не пуцал, с оружием в руках не выходил, бежал по своей надобности – неужто ж за это смерть? Смерть! подумайте, слово-то ведь какое! И не ему одному смерть, а и ей, серенькой зайнйке, которая тем только и виновата, что его, косога, всем сердцем полюбила! Так бы он к ней и полетел, взял бы её, серенькую зайнйку, передними лапками за

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
ушки, и всё бы миловал да по головке бы гладил.

– Бежим! – говорил между тем посланец.

Услышавши это слово, осуждённый на минуту словно преобразился. Совсем уж в комок собрался и уши на спину заложил. Вот-вот прынет – и след простыл. Не следовало ему в эту минуту на волчье логово смотреть, а он посмотрел. И закатилось заячье сердце.

– Не могу, – говорит, – волк не велел.

А волк между тем всё видит и слышит, и потихоньку по-волчьи с волчихой перешёптывается: должно быть, зайца за благородство хвалят.

– Бежим! – опять говорит посланец.

– Не могу! – повторяет осуждённый.

– Что вы там шепчетесь, злоумышляете? – как гаркнет вдруг волк.

Оба зайца так и обмерли. Попался и посланец! Подговор часовых к побегу – что, бишь, за это по правилам-то полагается? Ах, быть серой зайнице и без жениха, и без братца – обоих волк с волчихой слопают!

Опомнились косые – а перед ними и волк, и волчиха зубами стучат, а глаза у обоих в ночной темноте, словно фонари, так и светятся.

– Мы, ваше благородие, ничего... так, промежду себя... землячок проведать меня пришёл! – лепечет осуждённый, а сам так и мрёт от страху.

– То-то «ничего»! знаю я вас! пальца вам тоже в рот не клади! Сказывайте, в чём дело?

– Так и так, ваше благородие, – вступился тут невестин брат, – сестрица моя, а его невеста, помирает, так просит, нельзя ли его проститься с нею отпустить?

– Гм... это хорошо, что невеста жениха любит, – говорит волчиха. – Это значит, что зайчат у них много будет, корму волкам прибавится. И мы с волком любимся, и у нас волчат много. Сколько по воле ходят, а четверо и теперь при нас живут. Волк, а волк! отпустить, что ли, жениха к невесте проститься?

– Да ведь его на послезавтра есть назначено...

– Я, ваше благородие, прибегу... я мигом оборочу... у меня это... вот как бог свят прибегу! – зашпешил осуждённый, и чтобы волк не сомневался, что он может мигом оборотить, таким вдруг молодцом прикинулся, что сам волк на него залюбовался и подумал: «Вот кабы у меня солдаты такие были!»

А волчиха пригорюнилась и молвила:

– Вот, поди ж ты! заяц, а как свою зайчиху любит!

Делать нечего, согласился волк отпустить косоногого в побывку, но с тем, чтобы как раз к сроку оборотил. А невестина брата аманатом у себя оставил.

– Коли не воротишься через двое суток к шести часам утра, – сказал он, – я его вместо тебя съем; а коли воротишься – обоих съем, а может быть... ха-ха... и помилую!

Пустился косоный, как из лука стрела. Бежит, земля дрожит. Гора на пути встретится – он её «на уру» возьмёт; река – он и броду не ищет, прямо вплавь так и чешет; болото – он с пятой кочки на десятую перепрыгивает. Шутка ли? в тридевятое царство поспеть надо, да в баню сходить, да жениться («непременно женюсь!» – ежеминутно твердил он себе), да обратно, чтобы к волку на завтрак попасть...

Даже птицы быстроте его удивлялись, – говорили: «Вот в «Московских ведомостях» пишут, будто у зайцев не душа, а пар – а вон он как... улепётывает!»

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Прибежал, наконец. Сколько тут радостей было – этого ни в сказке не сказать, ни пером описать. Серенькая зайчиха, как увидела своего ненаглядного, так и про хворь позабыла. Встала на задние лапки, надела на себя барабан, и ну лапками «кавалерийскую рысь» выбивать – это она сюрприз жениху приготовила! А вдова-зайчиха так просто засовалась совсем: не знает, где усадить наречённого зятюшку, чем накормить. Прибежали тут тётки со всех сторон, да кумы, да сестрицы – всем лестно на жениха посмотреть, а может быть, и лакомого кусочка в гостях отведать.

Один жених словно не в себе сидит. Не успел с невестой наmilоваться, как уж затвердил:

- Мне бы в баню сходить да жениться поскорее!
- Что больно к спеху зандобилось? – подшучивает над ним зайчиха-мать.
- Обратно бежать надо. Только на одни сутки волк и отпустил.

Рассказал он тут, как и что. Рассказывает, а сам горькими слезами разливается. И воротиться-то ему не хочется, и не воротиться нельзя. Слово, вишь, дал, а заяц своему слову – господин. Судили тут тётки и сестрицы – и те в один голос сказали: «Правду ты, косою, молвил: не давши слова – крепись, а давши – держись! никогда во всём нашем заячьем роду того не бывало, чтобы зайцы обманывали!»

Скоро сказка сказывается, а дело промежду зайцев ещё того скорее делается. К утру косою окрутили, а перед вечером он уж прощался с молодой женой.

– Беспременно меня волк съест, – говорил он, – так ты будь мне верна. А ежели родятся у тебя дети, то воспитывай их строго. Лучше же всего отдай ты их в цирк: там их не только в барабан бить, но и в пушечку горохом стрелять научат.

И вдруг, словно в забытии (опять, стало быть, про волка вспомнил), прибавил:

– А может быть, волк меня... ха-ха... и помилует!

Только его и видели.

Между тем, покуда косою жуировал да свадьбу справлял, на том пространстве, которое разделяло тридевятое царство от волчьего логова, великие беды приключились. В одном месте дожди пролились, так что река, которую за сутки раньше заяц шутя переплыл, вздулась и на десять вёрст разлилась. В другом месте король Андрон королю Никите войну объявил, и на самом заячьем пути сражение кипело. В третьем месте холера проявилась – надо было целую карантинную цепь вёрст на сто обогнуть... А кроме того, волки, лисицы, совы – на каждом шагу так и стерегут.

Умён был косою; заранее так рассчитал, чтобы три часа у него в запасе оставалось, однако, как пошли одни за другими препятствия, сердце в нём так и похолодело. Бежит он вечер, бежит полночи; ноги у него камнями иссечены, на боках от колючих ветвей шерсть клочьями висит, глаза помутились, у рта кровавая пена сочится, а ему вон ещё сколько бежать осталось! И всё-то ему друг аманат, как живой, мерещится. Стоит он теперь у волка на часах и думает: «Через столько-то часов милый зятёк на выручку прибежит!» Вспомнит он об этом – и ещё шибче припустит. Ни горы, ни доли, ни леса, ни болота – всё ему нипочём! Сколько раз сердце в нём разорваться хотело, так он и над сердцем власть взял, чтобы бесплодные волнения его от главной цели не отвлекали. Не до горя теперь, не до слёз; пускай все чувства умолкнут, лишь бы друга из волчьей пасти вырвать!

Вот уж и день заниматься стал. Совы, сычи, летучие мыши на ночлег потянули; в воздухе холодком пахло. И вдруг всё крутом затихло, словно помертвело. А косою всё бежит и всё одну думу думает: «Неужто ж я друга не выручу!»

Заалел восток; сперва на дальнем горизонте слегка на облака огнём брызнуло, потом пуще и пуще, и вдруг – пламя! Роса на траве загорелась; проснулись птицы денные, поползли муравьи, черви, козявки; дымком откуда-то потянуло; во ржи и в

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
овсах словно шёпот пошёл, слышнее, слышнее... А косою ничего не видит, не слышит, только одно твердит: «Погубил я друга своего, погубил!»

Но вот, наконец, гора. За этой горой – болото и в нём – волчье логово... Опоздал, косою, опоздал!

Последние силы напрягает он, чтоб вскочить на вершину горы... вскочил! Но он уж не может бежать, он падает от изнеможения... неужто ж он так и не добежит?

Волчье логово перед ним как на блюдечке. Где-то вдали, на колокольне, бьёт шесть часов, и каждый удар колокола словно молотом бьёт в сердце измученного зверюги. С последним ударом волк поднялся с логова, потянулся и хвостом от удовольствия замахал. Вот он подошёл к аманату, сгрёб его в лапы и запустил когти в живот, чтобы разодрать его на две половины: одну для себя, другую для волчихи. И волчата тут; обсели кругом отца-матери, щёлкают зубами, учатся.

– Здесь я! здесь! – крикнул косою, как сто тысяч зайцев вместе. И кубарем скатился с горы в болото.

И волк его похвалил.

– Вижу, – сказал он, – что зайцам верить можно. И вот вам моя резолюция: сидите, до поры до времени, оба под этим кустом, а впоследствии я вас... ха-ха... помилую!

1883

Медведь на воеводстве

Злодейства крупные и серьёзные нередко именуются блестящими и в качестве таковых заносятся на скрижали Истории. Злодейства же малые и шуточные именуются срамными, и не только Историю в заблуждение не вводят, но и от современников не получают похвалы.

I. Топтыгин 1-й

Топтыгин 1-й отлично это понимал. Был он старый служака-зверь, умел берлоги строить и деревья с корнями выворачивать; следовательно, до некоторой степени и инженерное искусство знал. Но самое драгоценное качество его заключалось в том, что он во что бы то ни стало на скрижали Истории попасть желал и ради этого всему на свете предпочитал блеск кровопролитий. Так что об чём бы с ним ни заговорили: об торговле ли, о промышленности ли, об науках ли – он всё на одно поворачивал: «Кровопролитиев... кровопролитиев... вот чего нужно!»

За это Лев произвёл его в майорский чин и, в виде временной меры, послал в дальний лес, вроде как воеводой, внутренних супостатов усмирять.

Узнала лесная челядь, что майор к ним в лес едет, и задумалась. Такая в ту пору вольница между лесными мужиками шла, что всякий по-своему норовил. Звери – рыскали, птицы – летали, насекомые – ползали; а в ногу никто маршировать не хотел. Понимали мужики, что их за это не похвалят, но сами собой остепениться уж не могли. «Вот ужо приедет майор, – говорили они, – засыплет он нам – тогда мы и узнаем, как Кузькину тещу зовут!»

И точно: не успели мужики оглянуться, а Топтыгин уж тут как тут. Прибежал он на воеводство ранним утром, в самый Михайлов день, и сейчас же решил: «Быть назавтра кровопролитию». Что заставило его принять такое решение – неизвестно: ибо он, собственно говоря, не был зол, а так, скотина.

И непременно бы он свой план выполнил, если бы лукавый его не попутал.

Дело в том, что в ожидании кровопролития, задумал Топтыгин именины свои отпраздновать. Купил ведро водки и напился в одиночку пьян. А так как берлоги он для себя ещё не выстроил, то пришлось ему, пьяному, среди полянки спать лечь. Улёгся и захрапел, а под утро, как на грех, случилось мимо той полянки лететь чижикю. Особенный это был чижик, умный: и ведёрко таскать умел, и спеть, по

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru нужде, за канарейку мог. Все птицы, глядя на него, радовались, говорили: «Увидите, что наш Чижик со временем поноску носить будет!» Даже до Льва об его уме слух дошёл, и не раз он Ослу говаривал (Осёл в ту пору у него в советах за мудреца слыл): «Хоть одним бы ухом послушал, как Чижик у меня в когтях петь будет!»

Но как ни умён был Чижик, а тут не догадался. Думал, что гнилой чурбан на поляне валяется, сел на медведя и запел. А у Топтыгина сон тонок. Чует он, что по туше у него кто-то прыгает, и думает: «Бесспорно это должен быть внутренний супостат!»

– Кто там бездельным обычаем по воеводской туше прыгает? – рывкнул он наконец.

Улететь бы Чижик надо, а он и тут не догадался. Сидит себе да дивится: чурбан заговорил! Ну, натурально, майор не стерпел: сгрёб грубияна в лапу, да, не рассмотревши с похмелья, взял и съел.

Съесть-то съел, да, съевши, спохватился: «Что такое я съел? И какой же это супостат, от которого даже на зубах ничего не осталось?» Думал-думал, но ничего, скотина, не выдумал. Съел – только и всего. И никаким родом этого глупого дела поправить нельзя. Потому что, ежели даже самую невинную птицу сожрать, то и она точно так же в майорском брюхе сгниёт, как и самая преступная.

– Зачем я его съел? – допрашивал сам себя Топтыгин. – Меня Лев, посылаючи сюда, предупреждал: «Делай знатные дела, от бездельных же стерегись!» – а я, с первого же шага, чижей глотать вздумал! Ну, да ничего! первый блин всегда комом! Хорошо, что, по раннему времени, никто дурачества моего не видал.

Увы! не знал, видно, Топтыгин, что в сфере административной деятельности первая-то ошибка и есть самая фатальная. Что, давши с самого начала административному бегу направление вкось, оно впоследствии всё больше и больше будет отдалять его от прямой линии...

И точно, не успел он успокоиться на мысли, что никто его дурачества не видел, как слышит, что скворка ему с соседней берёзы кричит:

– Дурак! его прислали к одному знаменателю нас приводить, а он Чижика съел!

Взбеленился майор; полез за скворцом на берёзу, а скворец, не будь глуп, на другую перепорхнул. Медведь – на другую, а скворка – опять на первую. Лазил-лазил майор, мочи нет измучился. А глядя на скворца, и ворона осмелилась:

– Вот так скотина! добрые люди кровопролитиев от него ждали, а он Чижика съел!

Он – за вороной, а он из-за куста зайчика выпрыгнул:

– Бурбон стоеросовый! Чижика съел!

Комар из-за тридевять земель прилетел:

– *Risum teneatis, amici!*[3] Чижика съел!

Лягушка в болоте квакнула:

– Олух царя небесного! Чижика съел!

Словом сказать, и смешно, и обидно. Тычется майор то в одну, то в другую сторону, хочет насмешников переловить, и всё мимо. И что больше старается, то у него глупее выходит. Не прошло и часу, как в лесу уж все, от мала до велика, знали, что Топтыгин-майор Чижика съел. Весь лес вознегодовал. Не того от нового воеводы ждали. Думали, что он дебри и болота блестящим кровопролитием прославит, а он на-тко что сделал! И куда ни направит Михайло Иваныч свой путь, везде по сторонам словно стон стоит: «Дурень ты, дурень! Чижика съел!»

Заметался Топтыгин, благим матом взревел. Только однажды в жизни с ним нечто подобное случилось. Выгнали его в ту пору из берлоги и напустили стаю шавок – так и впились, собачьи дети, и в уши, и в загривок, и под хвост! Вот так уж подлинно он смерть в глаза видел! Однако всё-таки кой-как отбоярился: штук с

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru десяток шавок перекалечил, а от остальных утёк. А теперь и утечь некуда. Всякий куст, всякое дерево, всякая кочка, словно живые, дразнятся, а он – слушай! Филин, уж на что глупая птица, а и тот, наслушавшись от других, по ночам ухает: «Дурак! Чижика съел!»

Но что всего важнее: не только он сам унижение терпит, но видит, что и начальственный авторитет в самом своём принципе с каждым днём всё больше да больше умаляется. Того гляди, и в соседние трущобы слух пройдёт, и там его на смех подымут!

Удивительно, как иногда причины самые ничтожные к самым серьёзным последствиям приводят. Маленькая птица Чижик, а такому, можно сказать, стервятнику репутацию навек изгадил! Покуда не съел его майор, никому и на мысль не приходило сказать, что Топтыгин дурак. Все говорили: «Ваше степенство! вы – наши отцы, мы – ваши дети!» Все знали, что сам Осёл за него перед Львом предстательствует, а уж если Осёл кого ценит – стало быть, он того стоит. И вот, благодаря какой-то ничтожнейшей административной ошибке, всем сразу открылось. У всех словно само собой с языка слетело: «Дурак! Чижика съел!» Всё равно как если б кто бедного крохотного гимназистика педагогическими мерами до самоубийства довёл... Но нет, это не так, потому что довести гимназистика до самоубийства – это уж не срамное злодейство, а самое настоящее, к которому, пожалуй, прислушается и История... Но... Чижик! скажите на милость! Чижик!

«Этакая ведь, братцы, уморушка!» – крикнули хором воробьи, ежи и лягушки.

Сначала о поступке Топтыгина говорили с негодованием (за родную трущобу стыдно); потом стали дразниться; сначала дразнили окольные, потом начали вторить и дальние; сначала птицы, потом лягушки, комары, мухи. Всё болото, весь лес.

– Так вот оно, общественное-то мнение что значит! – тужил Топтыгин, утирая лапой обшарпанное в кустах рыло. – А потом, пожалуй, и на скрижали Истории попадешь... с Чижиком!

А История такое большое дело, что и Топтыгин, при упоминении об ней, задумывался. Сам по себе он знал об ней очень смутно, но от Осла слышал, что даже Лев её боится: «Не хорошо, говорит, в зверином образе на скрижали попасть!» История только отменнейшие кровопролития ценит, а о малых упоминает с оплеванием. Вот если б он, для начала, стадо коров перерезал, целую деревню воровством обездолил или избу у полесовщика по бревну раскатал – ну, тогда История... а впрочем, наплевать бы тогда на Историю! Главное, Осёл бы тогда ему лестное письмо написал! А теперь, смотрите-ка! – съел Чижика и тем себя воспрославил! Из-за тысячи вёрст прискакал, сколько прогонов и порционов извёл – и первым делом Чижика съел... ах! Мальчишки на школьных скамьях будут знать! И дикий тунгуз, и сын степей калмык – все будут говорить: «Майора Топтыгина послали супостата покорить, а он, вместо того, Чижика съел!» Ведь у него, у майора, у самого дети в гимназию ходят! До сих пор их майорскими детьми величали, а напредки проходу им школяры не дадут, будут кричать: «Чижика съел! Чижика съел!» Сколько потребуется генеральных кровопролитиев учинить, чтоб эту пакость загладить! Сколько народу ограбить, разорить, загубить!

Проклятое то время, которое с помощью крупных злодеяний цитадель общественного благоустройства сооружает, но срамное, срамное, тысячекратно срамное то время, которое той же цели мнит достигнуть с помощью злодеяний срамных и малых!

Мечется Топтыгин, ночей не спит, докладов не принимает, всё об одном думает: «Ах, что-то Осёл об моей майорской проказе скажет!»

И вдруг, словно сон в руку, предписание от Осла: «До сведения его высокостепенства господина Льва дошло, что вы внутренних врагов не усмирили, а Чижика съели – правда ли?»

Пришлось сознаваться. Покаялся Топтыгин, написал рапорт и ждёт. Разумеется, никакого иного ответа и быть не могло, кроме одного: «Дурак! Чижика съел!» Но частным образом Осёл дал виноватому знать (Медведь-то ему кадочку с мёдом в презент при рапорте отослал): «Непременно вам нужно особое кровопролитие

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
учинить, дабы гнусное оное впечатление истребить...»

– Коли за этим дело стало, так я ещё репутацию свою поправлю! – молвил Михайло Иваныч и сейчас же напал на стадо баранов и всех до единого перерезал. Потом бабу в малинике поймал и лукошко с малиной отнял. Потом стал корни и нити разыскивать, да кстати целый лес основ выворотил. Наконец забрался ночью в типографию, станки разбил, шрифт смешал, а произведения ума человеческого в отхожую яму свалил.

Сделавши всё это, сел, сукин сын, на корточки и ждёт поощрения.

Однако ожидания его не сбылись.

Хотя Осёл, воспользовавшись первым же случаем, подвиги Топтыгина в лучшем виде расписал, но Лев не только не наградил его, но собственноручно на Ословом докладе сбоку нацарапал: «Не верю, штоп сей офицер храбр был; ибо это тот самый Таптыгин, который маво любимова Чижика сиел!»

И приказал отчислить его по инфантерии.

Так и остался Топтыгин 1-й майором навек. А если б он прямо с типографий начал – быть бы ему теперь генералом.

II. Топтыгин 2-й

Но бывает и так, что даже блестящие злодеяния впрокне идут. Плачевный пример этому суждено было представить другому Топтыгину.

В то самое время, когда Топтыгин 1-й отличался в своей трущобе, в другую такую же трущобу послал Лев другого воеводу, тоже майора и тоже Топтыгина. Этот был умнее своего тезки и, что всего важнее, понимал, что в деле административной репутации от первого шага зависит всё будущее администратора. Поэтому, ещё до получения прогонных денег, он зрело обдумал свой план кампании и тогда только побежал на воеводство.

Тем не менее карьера его была ещё менее продолжительна, нежели Топтыгина 1-го.

Главным образом, он рассчитывал на то, что как приедет на место, так сейчас же разорит типографию: это и Осёл ему советовал. Оказалось, однако ж, что во вверенной ему трущобе ни одной типографии нет; хотя же старожилы и припоминали, что существовал некогда – вон под той сосной – казённый ручной станок, который лесные куранты[4] тискал, но ещё при Магницком этот станок был публично сожжён, а оставлено было только цензурное ведомство, которое возложило обязанность, исполнявшуюся курантами, на скворцов. Последние каждое утро, летая по лесу, разносили политические новости дня и никто от того никаких неудобств не ощущал. Затем известно было ещё, что дятел на древесной коре, не переставая, пишет «Историю лесной трущобы», но и эту кору, по мере начертания на ней письмён, точили и растаскивали воры-муравьи. И, таким образом, лесные мужики жили, не зная ни прошедшего, ни настоящего и не заглядывая в будущее. Или, другими словами, слонялись из угла в угол, окутанные мраком времён.

Тогда майор спросил, нет ли в лесу, по крайней мере, университета или хоть академии, дабы их спалить; но оказалось, что и тут Магницкий его намерения предвосхитил: университет в полном составе поверстал в линейные батальоны, а академиком заточил в дупло, где они и поднесь в летаргическом сне пребывают. Рассердился Топтыгин и потребовал, чтобы к нему привели Магницкого, дабы его растерзать («*similia similibus curantur*»[5]), но получил в ответ, что Магницкий, волею божией, помре.

Нечего делать, потужил Топтыгин 2-й, но в уныние не впал. «Коли душу у них, у мерзавцев, за неимением, погубить нельзя, – сказал он себе, – стало быть, прямо за шкуру приниматься надо!»

Сказано – сделано. Выбрал он ночь потемнее и забрался во двор к соседнему мужику. По очереди, лошадь задрал, корову, свинью, пару овец, и хоть знает, негодяй, что уж в лоск мужичка разорил, а всё ему мало кажется. «Постой, – говорит, – я у тебя двор по бревну раскатаю, навеки тебя с сумой по миру пушу!»

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
И, сказавши это, полез на крышу, чтоб злодейство своё выполнить. Только не прочитал, что матица-то гнилая была. Как только он на неё ступил, она возьми да и провалилась. Повис майор на воздухе; видит, что неминуемое дело об землю грохнуться, а ему не хочется. Облапил обломок бревна и заревел.

Сбежались на рёв мужики, кто с колом, кто с топором, а кто и с рогатиной. Куда ни обернутся – кругом, везде погром. Загородки поломаны, двор раскрыт, в хлевах лужи крови стоят. А посреди двора и сам ворог висит. Взорвало мужиков.

– Ишь, анафема! перед начальством выслужиться захотел, а мы через это пропадать должны! А ну-тко-то, братцы, уважим его!

Сказавши это, поставили рогатину на то самое место, где Топтыгину упасть надлежало, и уважили. Затем содрали с него шкуру, а стерво вывезли в болото, где к утру его расклевали хищные птицы.

Таким образом, явилась новая лесная практика, которая установила, что и блестящие злодейства могут иметь последствия не менее плачевные, как и злодейства срамные.

Эту вновь установившуюся практику подтвердила и лесная История, присовокупив, для вящей вразумительности, что принятое в исторических руководствах (для средних учебных заведений издаваемых) подразделение злодейств на блестящие и срамные упраздняется навсегда и что отныне всем вообще злодействам, каковы бы ни были их размеры, присвоится наименование «срамных».

По докладу о сём Осла Лев собственноручно на оном нацарапал так: «О приговоре Истории дать знать майору Топтыгину 3-му: пускай изворачивается».

III. Топтыгин 3-й

Третий Топтыгин был умнее своих тезоименитых предшественников. «Дело-то выходит бросовое! – сказал он себе, прочитав резолюцию Льва. – Мало напакостишь – поднимут на смех; много напакостишь – на рогатину поднимут... Полно, ехать ли уж?» Спрашивал он рапортом у Осла: «Ежели-де ни большие, ни малые злодеяния совершать не разрешается, то нельзя ли хоть средние злодеяния совершать?» – но Осёл ответил уклончиво: «Все-де нужные по сему предмету указания вы найдёте в Лесном уставе». Заглянул он в Лесной устав, но там обо всём говорилось: и о пушной подати, и о грибной, и об ягодной, даже об шишках еловых, а о злодеяниях – молчок! И затем, на все его дальнейшие доуки и настояния, Осёл отвечал с одинаковою загадочностью: «Действуйте по пристойности!»

– Вот до какого мы времени дожили! – роптал Топтыгин 3-й. – Чин на тебя большой накладывают, а какими злодействами его подтвердить – не указывают!

И опять мелькнуло у него в голове: «Полно, ехать ли?» – и если б не вспомнилось, какая уйма подъёмных и прогонных денег для него в казначействе припасена, право, кажется, не поехал бы!

Прибыл он в труппы на своих на двоих – очень скромно. Ни официальных приёмов не назначил, ни докладных дней, а прямо юркнул в берлогу, засунул лапу в хайло и залёг. Лежит и думает: «Даже с зайца шкуру содрать нельзя – и то, пожалуй, за злодейство сочтут! И кто сочтёт? добро бы Лев или Осёл – это бы куда ни шло! – а то мужики какие-то. Да Историю ещё какую-то нашли – вот уж подлинно ис-то-ри-я!!» Хохочет Топтыгин в берлоге, про Историю вспоминая, а на сердце у него жутко: чует он, что сам Лев Истории боится... Как тут будешь лесную сволочь подтягивать – и ума приложить не может. Спрашивают с него много, а разбойничать не велят! В какую бы сторону он ни устремился, только что разбежится – стой, погоди! не в своё место заехал! Везде «права» завелись. Даже у белки, и у той нынче права! Дробину тебе в нос – вот какие твои права! У них – права, а у него, вишь, обязанности! Да и обязанностей-то настоящих нет – просто пустое место! Они – друг друга поедом едят, а он – задрать никого не смеет! На что похоже! А всё Осёл! Он, именно он мудрит, он эту канитель разводит! «кто осла дивия быстра соделал? узы ему кто разрешил?» – вот об чём нужно бы ему всечасно помнить, а он об «правах» мычит! «Действуйте по пристойности!» – ах!

Долго он таким образом лапу сосал и даже настоящим образом в управление

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru вверенной ему трущобой не вступал. Пробовал он однажды об себе «по пристойности» заявить, влез на самую высокую сосну и оттуда не своим голосом рывкнул, но и от этого пользы не вышло. Лесная сволочь, давно не видя злодейств, до того обнаглела, что, услышавши его рёв, только молвила: «Чу, Мишка ревет! гляди, что лапу во сне прокусил!» С тем и отъехал Топтыгин 3-й опять в берлогу...

Но повторяю: он был медведь умный и не затем в берлогу залёг, чтобы в бесплодных сетованиях изнывать, а затем, чтоб до чего-нибудь настоящего додуматься.

И додумался.

Дело в том, что покуда он лежал, в лесу всё само собой установленным порядком шло. Порядок этот, конечно, нельзя было назвать вполне «благополучным», но ведь задача воеводства совсем не в том состоит, чтобы достигать какого-то мечтательного благополучия, а в том, чтобы исстари заведённый порядок (хотя бы и неблагоприятный) от повреждений оберегать и ограждать. И не в том, чтобы какие-то большие, средние или малые злодейства устраивать, а довольствоваться злодействами «натуральными». Ежели исстари повелось, что волки с зайцев шкуру дерут, а коршуны и совы ворон ощипывают, то, хотя в таком «порядке» ничего благополучного нет, но так как это всё-таки «порядок» – стало быть, и следует признать его за таковой. А ежели при этом ни зайцы, ни вороны не только не ропщут, но продолжают плодиться и населять землю, то это значит, что «порядок» не выходит из определённых ему искони границ. Неужели и этих «натуральных» злодейств недостаточность?

В данном случае всё именно так происходило. Ни разу лес не изменил той физиономии, которая ему приличествовала. И днём и ночью он гремел миллионами голосов, из которых одни представляли агонизирующий вопль, другие – победный клик. И наружные формы, и звуки, и светотени, и состав населения – всё представлялось неизменным, как бы застывшим. Словом сказать, это был порядок, до такой степени установившийся и прочный, что при виде его даже самому лютому, рьяному воеводе не могла прийти в голову мысль о каких-либо увенчательных злодействах, да ещё «под личною вашего степенства ответственностью».

Таким образом, перед умственным взором Топтыгина 3-го вдруг выросла целая теория неблагоприятного благополучия. Выросла со всеми подробностями и даже с готовой проверкой на практике. И вспомнилось ему, как однажды, в дружеской беседе, Осёл говорил:

– Об каких это вы всё злодействах допрашиваете? Главное в нашем ремесле – это: *laissez passer, laissez faire!* [6] или, по-русски выражаясь: дурак на дураке сидит и дураком погоняет! Вот вам. Если вы, мой друг, станете этого правила держаться, то и злодейство само собой сделается, и всё у вас будет обстоять благополучно!

Так оно именно по его и выходит. Надо только сидеть и радоваться, что дурак дурака дураком погоняет, а всё остальное приложится.

– Я даже не понимаю, зачем воевод посылают! ведь и без них... – слиберальничал было майор, но, вспомнив о присвоенном ему содержании, замаял нескромную мысль: ничего, ничего, молчание...

С этими словами он перевернулся на другой бок и решился выходить из берлоги только для получения присвоенного содержания. И затем всё пошло в лесу как по маслу. Майор спал, а мужики приносили поросят, кур, мёду и даже сивухи и складывали свои дани у входа в берлогу. В указанные часы майор просыпался, выходил из берлоги и жрал.

Таким образом пролежал Топтыгин 3-й в берлоге многие годы. И так как неблагоприятные, но вожделенные лесные порядки ни разу в это время нарушены не были и так как никаких при этом злодейств, кроме «натуральных», не производилось, то и Лев не оставил его милостью. Сначала произвёл в подполковники, потом в полковники и наконец...

Но тут явились в трущобу мужики-лукаши, и вышел Топтыгин 3-й из берлоги в поле.

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
И постигла его участь всех пушных зверей.

1884

Орёл-меценат

Поэты много об орлах в стихах пишут, и всегда с похвалой. И статьи у орла красоты неописанной, и взгляд быстрый, и полёт величественный. Он не летает, как прочие птицы, а парит, либо ширяет; сверх того: глядит на солнце и спорит с громами. А иные даже наделяют его сердце великодушием. Так что ежели, например, хотят воспеть в стихах городского, то непременно сравнивают его с орлом. «Подобно орлу, говорят, городской бляха № такой-то высмотрел, выхватил и, выслушав, – простил».

Я сам очень долго этим панегирикам верил. Думал: «Ведь, в самом деле, красиво! Выхватил... простил! Простил?!» – вот что в особенности пленяло. «Кого простил? – мышь!! Что такое мышь?!» И я бежал впопыхах к кому-нибудь из друзей-поэтов и сообщал о новом акте великодушия орла. А друг-поэт становился в позу, с минуту сопел, и затем его начинало тошнить стихами.

Но однажды меня осенила мысль. «С чего же, однако, орёл «простил» мышь? Бежала она по своему делу через дорогу, а он увидел, налетел, скомкал и... простил! Почему он «простил» мышь, а не мышь «простила» его?»

Дальше – больше. Стал я прислушиваться и приглядываться. Вижу: что-то тут неблагополучно. Во-первых, совсем не затем орёл мышей ловит, чтоб их прощать. Во-вторых, ежели и допустить, что орёл «простил» мышь, то, право, было бы гораздо лучше, если б он совсем ею не интересовался. И, в-третьих, наконец, будь он хоть орёл, хоть архиорёл, всё-таки он – птица. До такой степени птица, что сравнение с ним и для городского может быть лестно только по недоразумению.

И теперь я думаю об орлах так: «Орлы суть орлы, только и всего. Они хищны, плотоядны, но имеют в своё оправдание, что сама природа устроила их исключительно антивегетарианцами. И так как они, в то же время, сильны, дальновзорки, быстры и беспощадны, то весьма естественно, что, при появлении их, всё пернатое царство спешит притаиться. И это происходит от страха, а не от восхищения, как уверяют поэты. А живут орлы всегда в отчуждении, в неприступных местах, хлебосольством не занимаются, но разбойничают, а в свободное от разбоя время дремлют».

* * *

Выискался, однако ж, орёл, которому опостылело жить в отчуждении. Вот и говорит он однажды своей орлице:

– Скучно сам-друг с глазу на глаз жить. Смотришь целый день на солнце – инда одуреешь.

И начал он задумываться. Что больше думает, то чаще и чаще ему мерещится: хорошо бы так пожить, как в старину помещики живали. Набрал бы он дворню и зажил бы припеваючи. Вороны бы сплетни ему переносили, попугаи – кувыркались бы, сорока бы кашу варила, скворцы – величальные песни бы пели, совы, сычи да филины по ночам дозором летали бы, а ястребы, коршуны да соколы пищу бы ему добывали. А он бы оставил при себе одну кровожадность. Думал-думал, да и решился. Кликнул однажды ястреба, коршуна да сокола и говорит им:

– Соберите мне дворню, как в старину у помещиков бывало; она меня утешать будет, а я её в страхе держать стану. Вот и всё.

Выслушали хищники этот приказ и полетели во все стороны. Закипело у них дело не на шутку. Прежде всего нагнали целую уйму ворон. Нагнали, записали в ревизские сказки и выдали окладные листы. Ворона – птица плодущая и на всё согласная. Главным же образом, тем она хороша, что сословие «мужиков» представлять мастерица. А известно, что ежели готовы «мужички», то дело остаётся только за деталями, которые уж ничего не стоит скомпоновать. И скомпоновали. Из коростелей и гагар духовой оркестр собрали, попугаев скomoroxами нарядили, сороке-белобоке, благо воровка она, ключи от казны препоручили, сычей да филинов заставили по ночам дозором летать. Словом сказать, такую обстановку устроили, что хоть какому

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru угодно дворянину не стыдно. Даже кукушку не забыли, в гадалки при орлице определили, а для кукушкиных сирот воспитательный дом выстроили.

Но не успели порядком дворовые штаты в действие ввести, как уже убедились, что есть в них какой-то пропуск. Думали-думали, что бы такое было, и наконец догадались: во всех дворнях полагаются науки и искусства, а у орла нет ни тех, ни других.

Три птицы, в особенности, считали этот пропуск для себя обидным: снегирь, дятел и соловей.

Снегирь был малый шустрый и с отроческих лет насвистанный. Воспитывался он первоначально в школе кантонистов, потом служил в полку писарем и, научившись ставить знаки препинания, начал издавать, без предварительной цензуры, газету «Вестник лесов». Только никак приноровиться не мог. То чего-нибудь коснётся – ан касаться нельзя; то чего-нибудь не коснётся – ан касаться не только можно, но и должно. А его за это в головку тук да тук. Вот он и замыслил: «Пойду в дворню к орлу! Пускай он повелит безнаказанно славу его каждое утро возвещать!»

Дятел был скромный учёный и вёл строго уединённую жизнь. Ни с кем никогда не виделся (многие даже думали, что он запоем, как и все серьёзные учёные, пьёт), но целые дни сидел на сосновом суку и всё долбил. И надолбил он целую охапку исторических исследований: «Родословная лешего», «Была ли замужем Баба-Яга», «Каким полом надлежит ведьм в ревизские сказки заносить?» и проч. Но сколько ни долбил, издателя для своих книжиц найти не мог. Поэтому и он надумал: «Пойду к орлу в дворовые историографы! авось-либо он вороньим иждивением исследования мои отпечатает!»

Что касается до соловья, то он на жизненные невзгоды пожаловаться не мог. Пел он искони так сладко, что не только сосны стоеросовые, но и московские гостинодворцы, слушая его, умилялись. Весь мир его любил, весь мир, притаив дыхание, заслушивался, как он, забравшись в древесную чашу, сладкими песнями захлёбывался. Но он был сладострастен и славлюбив выше всякой меры. Мало было ему вольной песней по лесу греметь, мало огорчённые сердца гармонией звуков напоять... Думалось: орёл ему на шею ожерелье из муравьиных яиц повесит, всю грудь живыми тараканами изукрасит, а орлица будет тайные свидания при луне назначать...

Словом сказать, пристали все три птицы к соколу: «Доложи да доложи!»

Выслушал орёл соколиный доклад о необходимости водворения наук и искусств и не сразу понял. Сидит себе да цыркает, да когтями играет, а глаза у него, словно точёные камешки, глянецом на солнце отливают. Никогда он ни одной газеты не видывал; ни Бабой-Ягой, ни ведьмами не интересовался, а об соловье только одно слышал: что эта птица – малая, не стоит из-за неё клюв марать.

– Ты, поди, не знаешь, что и Бонапарт-то умер? – спросил сокол.

– Какой такой Бонапарт?

– То-то вот. А знать об этом не худо. Ужо гости приедут, разговаривать будут. Скажут: «При Бонапарте это было», – а ты будешь глазами хлопать. Не хорошо.

Призвали на совет сову, – и та подтвердила, что надо науки и искусства в дворнях заводить, потому что при них и орлам занятнее живётся, да и со стороны посмотреть не зазорно. Ученье – свет, а неученье – тьма. Спать-то да жрать всякий умеет, а вот поди разреши задачу: «Летело стадо гусей» – ан дома не скажешься. Умные-то помещики, бывало, за битого двух небитых давали, – значит, пользу в том видели. Вон чижик: только и науки у него, что ведёрко с водой таскать умеет, а какие деньги за этакое-то платят!

– Я в темноте видеть могу, так меня за это мудрой прозвали, а ты и на солнце по целым часам не смигнувши глядишь, а про тебя говорят: «Ловок орёл, а простофиля».

– Что ж, я не прочь от наук! – цыркнул орёл.

Сказано – сделано. На другой же день у орла в дворне начался «золотой век». Скворцы разучивали гимн «Науки юношей питают», коростели и гагары на трубах

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru сыгрывались, попугаи – новые кунштюки выдумывали. С ворон определили новый налог, под названием «просветительного»; для молодых соколят и ястребят устроили кадетские корпуса; для сов, филинов и сычей – академию де сиянс, да кстати уж и воронятам купили по экземпляру азбуки-копейки. И, в заключение, самого старого скворца определили стихотворцем, под именем Василия Кирилыча Тредьяковского, и отдали ему приказ, чтоб на завтра же был готов к состязанию с соловьём.

И вот вожделенный день наступил. Поставили пред лицо орла новобранцев и велели им хвастаться.

Самый большой успех достался на долю снегиря. Вместо приветствия он прочитал фельетон, да такой лёгкий, что даже орлу показалось, что он понимает. Говорил снегирь, что надо жить припеваючи, а орёл подтвердил: «Имянно!» Говорил, что была бы у него розничная продажа хорошая, а до прочего ни до чего ему дела нет, а орёл подтвердил: «Имянно!» Говорил, что холопское житьё лучше барского, что у барина заботушки много, а холопу за барином горюшка нет, а орёл подтвердил: «Имянно!» Говорил, что когда у него совесть была, то он без штанов ходил, а теперь, как совести ни капельки не осталось, он разом по две пары штанов надевает, – а орёл подтвердил: «Имянно!»

Наконец снегирь надоел.

– Следующий! – цыкнул орёл.

Дятел начал с того, что генеалогию орла от солнца повёл, а орёл с своей стороны подтвердил: «И я в этом роде от папеньки слышал». «Было у солнца, – говорил дятел, – трое детей: дочь Акула да два сына: Лев да Орёл. Акула была распутная – её за это отец в морские пучины заточил; сын Лев от отца отшатнулся – его отец владыкою над пустыней сделал; а Орёлко был сын почтительный, отец его поближе к себе пристроил – воздушные пространства ему во владенье отвёл».

Но не успел дятел даже введение к своему исследованию продолжить, как уже орёл в нетерпении кричал:

– Следующий! следующий!

Тогда запел соловей и сразу же осрамился. Пел он про радость холопа, узнавшего, что бог послал ему помещика; пел про великодушие орлов, которые холопам на водку не жалеючи дают... Однако как он ни выбивался из сил, чтобы в холопскую ногу попасть, но с «искусством», которое в нём жило, никак совладать не мог. Сам-то он сверху донизу холоп был (даже подержанным белым галстуком где-то раздобылся и головушку барашком завил), да «искусство» в холопских рамках усидеть не могло, беспрестанно на волю выпирало. Сколько он ни пел – не понимает орёл, да и шабаш!

– Что этот дуралей бормочет! – крикнул он наконец. – Позвать Тредьяковского!

А Василий Кирилыч тут как тут. Те же холопские сюжеты взял, да так их явственно изложил, что орёл только и дело, что повторял: «Имянно! имянно! имянно!» И в заключение надел на Тредьяковского ожерелье из муравьиных яиц, а на соловья сверкнул очами, воскликнув: «Убрать негодяя!»

На этом честолюбивые попытки соловья и покончились. Живо запрятали его в куролеску и продали в Зарядье, в трактир «Расставанье друзей», где и о сю пору он напояет сладкой отравой сердца захмелевших «метеоров».

Тем не менее дело просвещения всё-таки не было покинуто. Ястребят и соколят продолжали ходить в гимназии; академия де сиянс принялась издавать словарь и одолела половину буквы А; дятел дописывал 10-й том «Истории леших». Но снегирь притаился. С первого же дня он почуял, что всей этой просветительной суতোлке последует скорый и немилостивый конец, и, по-видимому, предчувствия его имели довольно верное основание.

Дело в том, что сокол и сова, принявшие на себя руководство в просветительном деле, допустили большую ошибку: они задумали обучить грамоте самого орла. Учили его по звуковому методу, легко и занятно, но, как ни бились, он и через год, вместо «Орёл», подписывался «Арёр», так что ни один солидный заимодавец векселей с такою подписью не принимал. Но ещё большая ошибка заключалась в том, что, подобно всем вообще педагогам, ни сова, ни сокол не давали орлу ни отдыха, ни срока. Каждоминутно следовала сова по его пятам, выкрикивая: «Бб... зз... хх...», а сокол тоже ежеминутно внушал, что без первых четырёх правил арифметики награбленную добычу разделить нельзя.

– Украл ты десять гусёнок, двух письмоводителю квартального подарил, одного сам съел – сколько в запасе осталось? – с укоризною спрашивал сокол.

Орёл не мог разрешить и молчал, но зло против сокола накоплялось в его сердце с каждым днём больше и больше.

Произошла натянутость отношений, которою поспешила воспользоваться интрига. Во главе заговора явился коршун и увлёк за собой кукушку. Последняя стала нашёптывать орлице: «Изведут они кормильца нашего, заучат!», а орлица начала орла дразнить: «Учёный! учёный!», затем общими силами возбудили «дурные страсти» в ястребе.

И вот однажды на зорьке, едва орёл глаза продрал, сова, по обыкновению, подкралась сзади и зажужжала ему в уши: «Вв... зз... рrrr...»

– Уйди, постылая! – кротко огрызнулся орёл.

– Извольте, ваше степенство, повторить: бб... кк... мм...

– Второй раз говорю: уйди!

– Пп... хх... шш...

В один миг повернулся орёл к сове и разорвал её надвое.

А через час, ничего не ведая, воротился с утренней охоты сокол.

– Вот тебе задача, – сказал он, – награблено нынче за ночь два пуда дичины; ежели на две равные части эту добычу разделить, одну – тебе, другую – всем прочим челядинцам, – сколько на твою долю достанется?

– Всё, – отвечал орёл.

– Ты говори дело, – возразил сокол. – Ежели бы «всё», я бы и спрашивать тебя не стал!

Не впервые такие задачи сокол задавал; но на этот раз тон, принятый им, показался орлу невыносимым. Вся кровь в нём вскипела при мысли, что он говорит «всё», а холоп осмеливается возражать: «Не всё». А известно, что когда у орлов кровь закипает, то они педагогические приёмы от крамолы отличать не умеют. Так он и поступил.

Но, покончивши с соколом, орёл, однако, оговорился:

– А де сиянс академии оставаться по-прежнему!

Опять пропели скворцы: «Науки юношей питают», но для всех уже было ясно, что «золотой век» находится на исходе. В перспективе надвигался мрак невежества, с своими обязательными спутниками: междоусобием и всяческою смутою.

Смута началась с того, что на место умершего сокола явилось два претендента: ястреб и коршун. И так как внимание обоих соперников было устремлено исключительно в сторону личных счётов, то дела дворни отошли на второй план и начали мало-помалу приходить в запущение.

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Через месяц от недавнего золотого века не осталось и следов. Скворцы заленились, коростели стали фальшивить, сорока-белобока воровала без просыпу, а на воронах накопилась такая пропасть недоимок, что пришлось прибегнуть к экзекуции. Дошло до того, что даже пищу орлу с орлицей начали подавать порченую.

Чтоб оправдать себя в этой неурядице, ястреб и коршун временно подали друг другу руку и свалили все невзгоды на просвещение. Науки-де, бесспорно, полезны, но лишь тогда, когда они благовременны. Жили-де наши дедушки без наук, и мы без них проживём...

И в доказательство, что весь вред от наук идёт, начали открывать заговоры, и непременно такие, чтобы хоть часослов да замешан в них был. Начались розыски, следствия, судбища...

– Шабаш! – вдруг раздалось в вышине.

Это крикнул орёл. Просвещение прекратило течение своё.

Во всей дворне воцарилась такая тишина, что слышно было, как ползут по земле клеветнические шёпоты.

Первою жертвою нового веяния пал дятел. Бедная эта птица, ей-богу, не виновата была. Но она знала грамоте, и этого было вполне достаточно для обвинения.

– Знаки препинания ставить умеешь?

– Не только обыкновенные знаки препинания, но и чрезвычайные, как-то: кавычки, тире, скобки – всегда, по сущей совести, становлю.

– А женский пол от мужеского отличить можешь?

– Могу. Даже в ночное время не ошибусь.

Только и всего. Нарядили дятла в кандалы и заточили в дупло навечно. А на другой день он в том дупле, заеденный муравьями, помре.

Едва кончилась история с дятлом, как последовал погром в академии де сиянс.

Однако ж сычи и филины защищались твёрдо: жалко им было с тёплыми казёнными квартирами расставаться. Говорили, что не того ради сиянсами занимаются, дабы их распространять, а для того, чтобы от лихого глаза их оберегать. Но коршун сразу увёртки их опровергнул, спросив: «Да сиянсы-то зачем?» И они на этот вопрос не ответили (не ждали). Тогда их поштучно распродали огородникам, а последние, набив из них чучелов, поставили огороды сторожить.

В это же самое время отобрали у воронят азбуку-копейку, истолкли оную в ступе и из полученной массы наделали игральных карт.

Дальше – больше. За совами и филинами последовали скворцы, коростели, попугаи, чижи... Даже глухого тетерева заподозрили в «образе мыслей» на том основании, что он днём молчит, а ночью спит...

Дворня опустела. Остались орёл с орлицей, и при них ястреб да коршун. А вдали – масса воронья, которое бессовестно плодилось. И чем больше плодилось, тем больше накоплялось на нём недоимок.

Тогда коршун с ястребом, не зная, кого изводить (вороньё в счёт не полагалось), стали изводить друг друга. И всё на почве наук. Ястреб донёс, что коршун, по секрету, читает часослов, а коршун съябедничал, что у ястреба в дупле «Новейший песенник» спрятан.

Орёл смутился...

Но тут уж сама история ускорила своё течение, чтоб положить конец этой сумятице. Произошло нечто необыкновенное. Увидев, что они остались без призора, вороны вдруг спохватились: «А что бишь на этот счёт в азбуке-копейке сказано?» И не успели порядком припомнить, как тут же инстинктивно снялись всем стадом с места и полетели.

Погнался за ними орёл, да не тут-то было: сладкое помещичье житьё до того его изнежило, что он едва крыльями мог шевелить.

Тогда он повернулся к орлице и возгласил:

– Сие да послужит орлам уроком!

Но что означало в данном случае слово «урок»: то ли, что просвещение для орлов вредно, или то, что орлы для просвещения вредны, или, наконец, и то и другое вместе – об этом он умолчал.

1884

Карась-идеалист

Карась с ёршом спорил. Карась говорил, что можно на свете одною правдою прожить, а ёрш утверждал, что нельзя без того обойтись, чтоб не слукавить. Что именно разумел ёрш под выражением «слукавить» – неизвестно, но только всякий раз, как он эти слова произносил, карась в негодовании восклицал:

– Но ведь это подлость!

На что ёрш возражал:

– Вот уж увидишь!

Карась – рыба смиренная и к идеализму склонная: недаром его монахи любят. Лежит он больше на самом дне речной заводи (где потише) или пруда, зарывшись в ил, и выбирает оттуда микроскопических ракушек для своего продовольствия. Ну, естественно, полежит-полежит, да что-нибудь и выдумает. Иногда даже и очень вольное. Но так как караси ни в цензуру своих мыслей не представляют, ни в участке не прописывают, то в политической неблагонадёжности их никто не подозревает. Если же иногда и видим, что от времени до времени на карасей устраивается облава, то отнюдь не за вольнодумство, а за то, что они вкусны.

Ловят карасей, по преимуществу, сетью или неводом; но, чтобы ловля была удачна, необходимо иметь сноровку. Опытные рыбаки выбирают для этого время сейчас вслед за дождём, когда вода бывает мутна, и затем, заводя невод, начинают хлопать по воде канатом, палками и вообще производить шум. Заслышав шум и думая, что он возвещает торжество вольных идей, карась снимается со дна и начинает справляться, нельзя ли и ему как-нибудь пристроиться к торжеству. Тут-то он и попадает во множестве в мотню, чтобы потом сделаться жертвою человеческого чревоугодия. Ибо, повторяю, караси представляют такое лакомое блюдо (особливо изжаренные в сметане), что предводители дворянства охотно потчуют ими даже губернаторов.

Что касается до ершей, то это рыба уже тронутая скептицизмом и притом колючая. Будучи сварена в ухе, она даёт бесподобный бульон.

Каким образом случилось, что карась с ершом сошлись, – не знаю; знаю только, что однажды, сошедшись, сейчас же заспорили. Поспорили раз, поспорили другой, а потом и во вкус вошли, свидания друг другу стали назначать. Сплывутся где-нибудь под водяным лопухом и начнут умные речи разговаривать. А плотва-белобрюшка резвится около них и ума-разума набирается.

Первым всегда задирал карась.

– Не верю, – говорил он, – чтобы борьба и свара были нормальным законом, под влиянием которого будто бы суждено развиваться всему живущему на земле. Верю в бескровное преуспевание, верю в гармонию и глубоко убеждён, что счастье – не праздная фантазия мечтательных умов, но рано или поздно делается общим достоянием!

– Дождайся! – иронизировал ёрш.

Ёрш спорил отрывисто и беспокойно. Это – рыба нервная, которая, по-видимому, помнит немало обид. Накипело у неё на сердце.. ах, накипело! До ненависти покуда ещё не дошло, но веры и наивности уж и в помине нет. Вместо мирного жития она

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru повсюду распрю видит; вместо прогресса – всеобщую одичалость. И утверждает, что тот, кто имеет претензию жить, должен всё это в расчёт принимать. Карася же считает «блаженнейшим», хотя в то же время сознаёт, что с ним только и можно «душу отводить».

– И дождусь! – отзывался карась. – И не я один, все дождутся. Тьма, в которой мы плаваем, есть порождение горькой исторической случайности; но так как ныне, благодаря новейшим исследованиям, можно эту случайность по косточкам разобрать, то и причины, её породившие, нельзя уже считать неустранимыми. Тьма – совершившийся факт, а свет – чаемое будущее. И будет свет, будет!

– Значит, и такое, по-твоему, время придёт, когда и шук не будет?

– Каких таких шук? – удивился карась, который был до того наивен, что когда при нём говорили: «На то щука в море, чтоб карась не дремал», то он думал, что это что-нибудь вроде тех никс[7] и русалок, которыми малых детей пугают, и, разумеется, ни крошечки не боялся.

– Ах, фофан ты, фофан! Мировые задачи разрешать хочешь, а о щуках понятия не имеешь!

Ёрш презрительно пошевеливал плавательными перьями и уплывал восвояси: но, спустя малое время, собеседники опять где-нибудь в укромном месте сплывались (в воде-то скучно) и опять начинали диспутировать.

– В жизни первенствующую роль добро играет, – разглагольствовал карась, – зло – это так, по недоразумению допущено, а главная жизненная сила всё-таки в добре замыкается.

– Держи карман!

– Ах, ёрш, какие ты несообразные выражения употребляешь! «держи карман»! разве это ответ?

– Да тебе, по-настоящему, и совсем отвечать не следует. Глупый ты – вот тебе и сказ весь!

– Нет, ты послушай, что я тебе скажу. Что зло никогда не было зиждущей силой – об этом и история свидетельствует. Зло душило, давило, опустошало, предавало мечу и огню, а зиждущей силой являлось только добро. Оно устремлялось на помощь угнетённым, оно освобождало от цепей и оков, оно пробуждало в сердцах плодотворные чувства, оно давало ход парениям ума. Не будь этого воистину зиждущего фактора жизни, не было бы и истории. Потому что ведь, в сущности, что такое история? История – это повесть освобождения, это рассказ о торжестве добра и разума над злом и безумием.

– А ты, видно, доподлинно знаешь, что зло и безумие посрамлены? – подтрунивал ёрш.

– Не посрамлены ещё, но будут посрамлены – это я тебе верно говорю. И опять-таки сошлюсь на историю. Сравни, что некогда было, с тем, что есть, – и ты без труда согласишься, что не только внешние приёмы зла смягчились, но и самая сумма его приметно уменьшилась. Возьми хоть бы нашу рыбную породу. Прежде нас во всякое время ловили, и преимущественно во время «хода», когда мы, как одурелые, сами прямо в сеть лезем; а нынче именно во время «хода» – то и признаётся вредным нас ловить. Прежде нас, можно сказать, самыми варварскими способами истребляли – в Урале, сказывают, во время багрения, вода на многие вёрсты от рыбьей крови красная стояла, а нынче – шабаш. Неводы, да верши, да уды – больше чтобы ни-ни! Да и об этом ещё в комитетах рассуждают: какие неводы? по какому случаю? на какой предмет?

– А тебе, видно, не всё равно, каким способом в уху попасть?

– В какую такую уху? – удивлялся карась.

– Ах, прах тебя побери! Карасём зовётся, а об ухе не слышал! Какое же ты после этого право со мной разговаривать имеешь? Ведь чтобы споры вести и мнения отстаивать, надо, по малой мере, с обстоятельствами дела наперёд познакомиться.

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
О чём же ты разговариваешь, коли даже такой простой истины не знаешь, что каждому карасю впереди уготована уха? Брысь... заколю!

Ёрш оцетинивался, а карась быстро, насколько позволяла его неуклюжесть, опускался на дно. Но через сутки друзья-противники опять сплывались и новый разговор затевали.

– Намеднись в нашу заводь щука заглядывала, – объявлял ёрш.

– Та самая, о которой ты намеднись упоминал?

– Она. Приплыла, заглянула, молвила: «Чтой-то будто уж слишком здесь тихо! должно быть, тут карасям вод?» И с этим уплыла.

– Что же мне теперича делать?

– Изготавливаться – только и всего. Ужо, как приплывёт она да уставится в тебя глазищами, ты чешую-то да перья подбери поплотнее, да прямо и полезай ей в хайло!

– Зачем же я полезу? Кабы я был в чём-нибудь виноват...

– Глуп ты – вот в чём твоя вина. Да и жирен вдобавок. А глупому да жирному и закон повелевает щуке в хайло лезть!

– Не может такого закона быть! – искренно возмущался карась. – И щука зря не имеет права глотать, а должна прежде объяснения потребовать. Вот я с ней объяснюсь, всю правду выложу. Правдой-то я её до седьмого пота прошибу.

– Говорил я тебе, что ты фофан, и теперь то же самое повторю: фофан! фофан! фофан!

Ёрш окончательно сердился и давал себе слово на будущее время воздерживаться от всякого общения с карасём. Но через несколько дней, смотришь, привычка опять взяла своё.

– Вот кабы все рыбы между собой согласились... – загадочно начинал карась.

Но тут уж и самого ерша брала оторопь. «О чём это фофан речь заводит? – думалось ему. – Того гляди, проврётся, а тут головель неподалёку похаживает. Ишь, и глаза в сторону, словно не его дело, скосил, а сам знай прислушивается».

– А ты не всякое слово выговаривай, какое тебе на ум взбредёт! – убеждал он карася. – Не для чего пасть-то разевать: можно и шепотком, что нужно, сказать.

– Не хочу я шептаться, – продолжал карась невозмутимо, – а говорю прямо, что ежели бы все рыбы между собой согласились, тогда...

Но тут ёрш грубо прерывал своего друга.

– С тобой, видно, гороху наевшись, говорить надо! – кричал он на карася и, наостривши лыжи, уплывал от него восвояси.

И досадно ему, да и жалко карася было. Хоть и глуп он, а всё-таки с ним одним по душе поговорить можно. Не разболтает он, не предаст – в ком нынче качества-то эти сыщешь? Слабое нынче время, такое время, что на отца с матерью надеяться нельзя. Вот плотва, хоть и нельзя о ней прямо что-нибудь худое сказать, а всё-таки, того гляди, не понимаючи, сболтнёт! А об головлях, язях, линиях и прочей челяди и говорить нечего! За червяка присягу под колоколами принять готовы! Бедный карась! ни за грош он между ними пропадёт!

– Посмотри ты на себя, – говорил он карасю, – ну, какую ты, не ровён час, оборону из себя представить можешь? Брюхо у тебя большое, голова малая, на выдумки негораздая, рот – чутошный. Даже чешуя на тебе – и та не серьёзная. Ни проворства в тебе, ни юркости – как есть увалень! Всякий, кто хочет, подойди к тебе и ешь!

– Да за что же меня есть, коли я не провинился? – по-прежнему упорствовал

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
карась.

– Слушай, дурья порода! Едят-то разве «за что»? Разве потому едят, что казнить хотят? Едят потому, что есть хочется – только и всего. И ты, чай, ешь. Не попусту носом-то в иле роешься, а ракушек вылавливаешь. Им, ракушкам, жить хочется, а ты, простофиля, ими мамон с утра до вечера набиваешь. Сказывай: какую такую они вину перед тобой сделали, что ты их ежеминутно казнишь? Помнишь, как ты намеднись говорил: «Вот кабы все рыбы между собой согласились...» А что, если бы ракушки между собой согласились – сладко ли бы тебе, простофиле, тогда было?

Вопрос был так прямо и так неприятно поставлен, что карась сконфузился и слегка покраснел.

– Но ракушки – ведь это... – пробормотал он смущённо.

– Ракушки – ракушки, а караси – караси. Ракушками караси лакомятся, а карасями – щуки. И ракушки ни в чём не повинны, и караси не виноваты, а и те, и другие должны ответ держать. Хоть сто лет об этом думай, а ничего другого не выдумаешь.

Спрятался после этих ершовых слов карась в самую глубь тины и стал на досуге думать. Думал, думал и, между прочим, ракушек ел да ел. И что больше ест, то больше хочется. Наконец, однако ж, додумался.

– Я не потому ем ракушек, чтоб они виноваты были – это ты правду сказал, – объяснил он ершу, – а потому я их ем, что они, эти ракушки, самой природой мне для еды предоставлены.

– Кто же тебе это сказал?

– Никто не сказал, а я сам, собственным наблюдением, дошёл. У ракушки не душа, а пар; её ешь, а она и не понимает. Да и устроена она так, что никак невозможно, чтоб её не проглотить. Потяни рылом воду, ан в зобу у тебя уж видимо-невидимо ракушек кишит. Я и не ловлю их – сами в рот лезут. Ну, а карась – совсем другое. Караси, брат, от десяти вершков бывают, – так с таким стариком ещё поговорить надо, прежде нежели его съесть. Надо, чтоб он серьёзную пакость сделал – ну, тогда, конечно...

– Вот как щука проглотит тебя, тогда ты и узнаешь, что надо для этого сделать. А до тех пор лучше помалчивал бы.

– Нет, я не стану молчать. Хоть я отроду щук не видывал, но только могу судить по рассказам, что и они к голосу правды не глухи. Помилуй – скажи: может ли такое злодейство статься! Лежит карась, никого не трогает, и вдруг, ни дай ни вынеси за что, к щуке в брюхо попадает! Ни в жизнь я этому не поверю.

– Чудак! да ведь намеднись, на глазах у тебя, монах целых два невода вашего брата из заводи вытащил... Как ты думаешь: любоваться, что ли, он на карасей-то будет?

– Не знаю. Только это ещё бабушка надвое сказала, что с теми карасями случилось: ино их съели, ино в сажалку посадили. И живут они там припеваючи на монастырских хлебах!

– Ну, живи, коли так, и ты, сорвиголова!

Проходили дни за днями, а диспутам карася с ершом и конца было не видать. Место, в котором они жили, было тихое, даже слегка зелёною плесенью подёрнутое, самое для диспутов благоприятное. О чём ни калякай, какими мечтами ни задавайся – безнаказанность полная. Это до такой степени ободрило карася, что он с каждым сеансом всё больше и больше тон своих экскурсий в область эмпиреев повышал.

– Надобно, чтоб рыбы любили друг друга! – ораторствовал он. – Чтобы каждая за всех, а все за каждую – вот когда настоящая гармония осуществится!

– Желал бы я знать, как ты с своею любовью к щуке подъедешь! – расхолаживал его

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru ёрш.

– Я, брат, подъеду! – стоял на своём карась. – Я такие слова знаю, что любая щука в одну минуту от них в карася превратится!

– А ну-тка, скажи!

– Да просто спрошу: знаешь ли, мол, щука, что такое добродетель и какие обязанности она в отношении к ближним налагает?

– Огорошил, нечего сказать! А хочешь, я тебе за этот самый вопрос иголкой живот прокалю?

– Ах, нет! сделай милость, ты этим не шути!

Или:

– Только тогда мы, рыбы, свои права сознаем, когда нас, с малых лет, в гражданских чувствах воспитывать будут!

– А на кой тебе ляд гражданские чувства понадобились?

– Всё-таки...

– То-то «всё-таки». Гражданские-то чувства только тогда ко двору, когда перед ними простор открыт. А что же ты с ними, в тине лёжа, делать будешь?

– Не в тине, а вообще...

– Например?

– Например, монах меня в ухе захочет сварить, а я ему скажу: «Не имеешь, отче, права без суда такому ужасному наказанию меня подвергать!»

– А он тебя, за грубость, на сковороду либо в золу в горячую... Нет, друг, в тине жить, так не гражданские, а остолопыи чувства надо иметь, – вот это верно. Схоронился, где погуще, и молчи, остолоп!

Или ещё:

– Рыбы не должны рыбами питаться, – бредил наяву карась. – Для рыбьего продовольствия и без того природа многое множество вкусных блюд уготовала. Ракушки, мухи, черви, пауки, водяные блохи; наконец, раки, змеи, лягушки. И всё это добро, всё на потребу.

– А для щук на потребу караси, – отрезвлял его ёрш.

– Нет, карась сам себе довлеет. Ежели природа ему не дала оборонительных средств, как тебе, например, то это значит, что надо особый закон, в видах обеспечения его личности, издать!

– А ежели тот закон исполняться не будет?

– Тогда надо внушение распубликовать: лучше, дескать, совсем законов не издавать, ежели оные не исполнять.

– И ладно будет?

– Полагаю, что многие устыдятся.

Повторяю: дни проходили за днями, а карась всё бредил. Другому за это хоть щелчок бы в нос дали, а ему – ничего. И растабарывал бы он таким родом аридовы веки, если бы хоть крошечку поостерёгся. Но он так уж о себе возмечтал, что совсем из расчёта вышел. Припускал да припускал, как вдруг к нему головель с повесткой: назавтра, дескать, щука изволит в заводь прибыть, так ты, карась, смотри! чуть свет ответ держать явись!

Карась, однако ж, не обробел. Во-первых, он столько разнообразных отзывов о щуке

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru слышал, что и сам познакомиться с ней любопытствовал; а во-вторых, он знал, что у него такое магическое слово есть, которое, ежели его сказать, сейчас самую лютую щуку в карася превратит. И очень на это слово надеялся.

Даже ёрш, видя такую его веру, задумался, не слишком ли он уж далеко зашёл в отрицательном направлении. Может быть, и в самом деле щука только того и ждёт, чтобы её полюбили, благой совет ей дали, ум и сердце её просветили? Может быть, она... добрая? Да и карась, пожалуй, совсем не такой простофиля, каким по наружности кажется, а, напротив того, с расчётом свою карьеру облаживает? Вот завтра явится он к щуке да прямо и ляпнет ей самую сущую правду, какой она отроду ни от кого не слыхивала. А щука возьмёт да и скажет: «За то, что ты мне, карась, самую сущую правду сказал, жалую тебя эту заводью; будь ты над нею начальник!»

Приплыла наутро щука, как пить дала. Смотрит на неё карась и дивится: каких ему про щуку сплеток ни наплели, а она – рыба как рыба! Только рот до ушей да хайло такое, что как раз ему, карасю, пролезть.

– Слышала я, – молвила щука, – что очень ты, карась, умён и разглагольствовать мастер. Хочу я с тобой диспут иметь. Начинай.

– Об счастья я больше думаю, – скромно, но с достоинством ответил карась. – Чтобы не я один, а все были бы счастливы. Чтобы всем рыбам во всякой воде свободно плавать было, а ежели которая в тину спрятаться захочет, то и в тине пускай полежит.

– Гм... и ты думаешь, что такому делу стать возможно?

– Не только думаю, но и всечасно сего ожидаю.

– Например: плыву я, а рядом со мною... карась?

– Так что же такое?

– В первый раз слышу. А ежели я обернусь да карася-то... съем?

– Такого закона, ваше высокостепенство, нет; закон говорит прямо: ракушки, комары, мухи и мошки да послужат для рыб пропитанием. А кроме того, позднейшими разными указами к пище сопричислены: водяные блохи, пауки, черви, жуки, лягушки, раки и прочие водяные обыватели. Но не рыбы.

– Маловато для меня. Головель! неужто такой закон есть? – обратилась щука к головлю.

– В забвении, ваше высокостепенство! – ловко вывернулся головель.

– Я так и знала, что не можно такому закону быть. Ну, а ещё ты чего всечасно, карась, ожидаешь?

– А ещё ожидаю, что справедливость восторжествует. Сильные не будут теснить слабых, богатые – бедных. Что объявится такое общее дело, в котором все рыбы свой интерес будут иметь и каждая свою долю делать будет. Ты, щука, всех сильнее и ловче – ты и дело на себя посильнее возьмёшь; а мне, карасю, по моим скромным способностям, и дело скромное укажут. Всякий для всех, и все для всякого – вот как будет. Когда мы друг за дружку стоять будем, тогда и подкузьмить нас никто не сможет. Невод-то ещё где покажется, а уж мы драло! Кто под камень, кто на самое дно в ил, кто в нору или под корягу. Уху-то, пожалуй что, видно, бросить придётся!

– Не знаю. Не очень-то любят люди бросать то, что им вкусным кажется. Ну, да это ещё когда-то будет. А вот что: так значит, по-твоему, и я работать буду должна?

– Как прочие, так и ты.

– В первый раз слышу. Поди проспись!

Проспался ли, нет ли карась, но ума у него, во всяком случае, не прибавилось. В полдень опять он явился на диспут, и не только без всякой робости, но даже против прежнего веселее.

– Так ты полагаешь, что я работать стану, а ты от моих трудов лакомиться будешь?
– прямо поставила вопрос щука.

– Все друг от дружки... от общих, взаимных трудов...

– Понимаю: «друг от дружки»... а между прочим, и от меня... гм! Думается, однако ж, что ты это зазорные речи говоришь. Головель! как, по-нынешнему, такие речи называются?

– Сицилизмом, выше высокостепенство!

– Так я и знала. Давненько я уж слышу: «Бунтовские, мол, речи карась говорит!» Только думаю: «Дай лучше сама послушаю...» Ан вон ты каков!

Молвивши это, щука так выразительно щёлкнула по воде хвостом, что как ни прост был карась, но и он догадался.

– Я, ваше высокостепенство, ничего, – пробормотал он в смущении, – это я по простоте...

– Ладно. Простота хуже воровства, говорят. Ежели дуракам волю дать, так они умных со свету сживут. Наговорили мне о тебе с три короба, а ты – карась как карась, – только и всего. И пяти минут я с тобой не разговариваю, а уж до смерти ты мне надоел.

Щука задумалась и как-то так загадочно на карася посмотрела, что он уж и совсем понял. Но, должно быть, она ещё после вчерашнего обжорства сыта была, и потому зевнула и сейчас же захрапела.

Но на этот раз карасю уж не так благополучно обошлось. Как только щука умолкла, его со всех сторон обступили головли и взяли под караул.

Вечером, ещё не успело солнышко сесть, как карась в третий раз явился к щуке на диспут. Но явился уже под стражей и притом с некоторыми повреждениями. А именно: окунь, допрашивая, покусал ему спину и часть хвоста.

Но он всё ещё бодрился, потому что в запасе у него было магическое слово.

– Хоть ты мне и супротивник, – начала опять первая щука, – да, видно, горе моё такое: смерть диспуты люблю! Будь здоров, начинай!

При этих словах карась вдруг почувствовал, что сердце в нём загорелось. В одно мгновение он подобрал живот, затрепыхался, защёлкал по воде остатками хвоста и, глядя щуке прямо в глаза, во всю мочь гаркнул:

– Знаешь ли ты, что такое добродетель?

Щука разинула рот от удивления. Машинально потянула она воду и, вовсе не желая проглотить карася, проглотила его.

Рыбы, бывшие свидетельницами этого происшествия, на мгновенье остолбенели, но сейчас же опомнились и поспешили к щуке – узнать, благополучно ли она поужинать изволила, не подавилась ли. А ёрш, который уж заранее всё предвидел и предсказал, выплыл вперёд и торжественно провозгласил:

– Вот они, диспуты-то наши, каковы!

1884

Дурак

В старые годы, при царе Горохе это было: у умных родителей родился сын дурак. Ещё когда младенцем Иванушка был, родители дивились: в кого он уродился? Мамочка говорила, что в папочку, папочка – что в мамочку, а наконец подумали и решили: должно быть, в обоих.

Не то, впрочем, родителей смущало, что у них сын дурак, – дурак, да ежели ко двору, лучше и желать не надо, – а то, что он дурак особенный, за которого, того гляди, перед начальством ответить придётся. Набедокурит, начудит – по какому праву? какой такой закон есть?

Бывают дураки лёгкие, а этот мудрёный. Вон у Милитрисы Кирбитьевны – рукой подать – сын Лёвка, тоже дурачок. Выбежит босиком на улицу, спустит рукава, на одной ножке скачет, а сам во всю мочь кричит: «Тили-тили, лёвку били, бими-бими, бом-бум!» Сейчас его изымают, да на замок в холодную: сиди да посиживай! Даже губернатору, когда на ревизию приезжал, Лёвку показывали, и тот похвалил: «Берегите его, нам дураки нужны!»

А этот дурак – необыкновенный. Сидит себе дома, книжку читает, либо к папке с мамкой ласкается – и вдруг, ни с того ни с сего, в нём сердце загорится. Бежит, земля дрожит. К которому делу с подходцем бы подойти, а он на него напрямик лезет; которое слово совсем бы позабыть надо, а он его-то и ляпнет. И смех, и грех. Хоть кричи на него, хоть бей – ничего он не чувствует и не слышит. Сделает, что ему хочется, и опять домой прибежит, к папке с мамкой под крылышко.

– Что с тобой, ненаглядный ты наш? сядь, миленький, отдохни!

– Я, мамочка, не устал.

– Куда ты, голубчик, бегаешь? Не скажешься никому и убежишь!

– Я, мамочка, к Лёвке бегал. Лёвка болен, калачика просит; я взял с прилавка в булочной калачик и снёс.

Услышит мамочка эти слова, так и ахнет.

– Ах, убил! ах, голову с меня, несчастный, ты снял! Что ты наделал! Это ты, значит, калачик-то украл!

– Как «украл»? что такое «украл»?

Сколько раз и соседи папочку с мамочкой предостерегали:

– Уймите вы своего дурака! большие он вам неприятности через свою глупость предоставит!

Но родители ничего не могли, только думали: «Легко сказать: «Уймите!», а как ты его уймёшь? Как это люди не понимают, что родительское сердце по глупом сыне больше даже, чем по умном, разрывается?»

И точно, примется, бывало, папочка дурака усовещивать: «Калач есть собственность» – он как будто и понимает: «Да, папочка!» Но вдруг, в это время, откуда ни возьмись, Лёвка: «Дай, Ваня, калачика!» Он – шмыг, и точно вот слизнул калач с прилавка! Как тут понять: украл он его или не украл?

Терпел-терпел булочник, но наконец обиделся: принёс в квартал жалобу. Явился к дураковым родителям квартальный и сказал: «Как угодно, а извольте вашего дурака высечь». Плакала родительская утроба, а делать нечего. Видит папочка, что резонно квартальный говорит: высек дурака.

Но дурак ничего не понял. Почувствовавши, что больно, всплакнул, но не жаловался: «За что?» и не кричал: «Не буду!» Скорее как будто удивился: «Для чего это папочке понадобилось?»

Так и пропал этот урок даром – как был Иванушка до сечения дураком, так и после сечения дураком остался. Увидит из окна, что Лёвка босиком по улице скачет, – и он выбежит, сапоги снимет, рукава у рубашки спустит и начнёт заодно с дурачком

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
куролесить.

- Ишь занятие нашёл! – рассердится мамочка, – дурака дразнит!
- Я, мамочка, не дразню, а играю с ним, потому что ему одному скучно.
- Повертись! повертись! довертись, что сам дураком сделаешься!

Услышит папочка этот разговор и на мамочку накинется:

- Сечь его надо, а она разговаривает! разговаривай больше, – дождёшься! Кабы ты чаще ему под рубашку заглядывала, давно бы он у нас человеком был!

И все соседи папочку одобряют: во-первых, потому, что закон есть такой, чтобы дураков учить; а во-вторых, и потому, что никому от Иванушки житья не стало. Намедни соседские мальчишки вздумали козла дразнить – он за козла вступился. Стал посередке и не даёт козла в обиду. Козёл его сзади рогами бьёт, мальчишки спереди по чём попало тузят, а ему горюшка мало – всего в синяках домой привели! А на другой день опять с дураком история: у повара петуха отнял. Нёс повар под мышкой петуха на кухню, а дурак ему навстречу: «Куда, Кузьма, петушка несёшь?» – «Известно, мол, на кухню, да в суп»... Как кинется на него дурак! Не успел Кузьма опомниться – смотрит, а петух уж на забор взлетел и крыльями хлопает!

Толковал-толковал ему папочка: «Петух – не твой, как же ты смел его у повара отнимать?» А он в ответ одно твердит: «Знаю я, что петух не мой, да и не поваров он, а свой собственный...»

Как ни любили дурака все домочадцы за его ласковость и тихость, но с течением времени он всех поступками своими донял. Есть ему захочется – нет чтобы мамочку попросить: «Позвольте, мол, милый друг маменька, в буфете пирожок взять», – сам пойдёт, и в буфете, и в кухне перешарит, и что попадётся под руку, так, без спросу, и съест. Захочется погулять – возьмёт картуз, так, без спросу, и уйдёт. Раз нищий под окном остановился, а у мамочки, как на грех, в ту пору трёхрублёвенькая бумажка на столе лежала, – он взял да ВСЕ три рубля нищему в суму и ухнул!

- Батюшки! да из него Картуш выйдет! – невзвидела света мамочка.
- И непременно выйдет, – отозвался папочка, – хуже выйдет, ежели ты вместо того, чтобы сечь, лясы с ним точить будешь!

Делать нечего, высекла дурака и мамочка. Но высекла, надо прямо сказать, чуть-чуть, только чтобы наука была. А он встал, сердечный, весь заплаканный, и обнял мамочку.

- Ах, мамочка, мамочка! бедненькая ты моя мамочка!

И сделалось мамочке вдруг так стыдно, так стыдно, что она и сама заплакала.

- Дурачок ты мой ненаглядный! вот кабы нас бог с тобой вместе к себе взял!

Наконец, однако, он и себя, и мамочку едва не погубил. Гуляли они однажды всей семьёй по набережной реки. Папочка мамочку под ручку вёл, а он, впереди, разведчика из себя изображал. Будто бы они источники Нигера открывать собирались, так он послан вперёд разузнать, не угрожает ли откуда опасность. Вдруг слышат стоны; взглянули на реку, а там чей-то мальчишечко в воде барахтается! Не успели опомниться – ан дурак уж в реку бухнул, а за дураком мамочка, как была в кринолине, так и очутилась в воде. А за мамочкой – пара городских в амуниции. А папочка стоит у решётки да руками, словно птица крыльями, машет: «Моих-то спасайте! моих!» Наконец городские всех троих из воды вытащили. Мамочка-то одним страхом поплатилась, а дурак целый месяц в горячке вылежал. Понял ли он, что поступил по-дурачки, или сделалось ему мамочку жалко, только как пришёл он в себя, да увидел, что мамочка, худенькая да бледненькая, в головах у него сидит, – так и залился слезами! Только и твердит: «Мамочка! мамочка! мамочка! зачем нас бог к себе не взял?»

А папочка тут же стоял и всё надеялся, что дурак хоть на этот раз скажет: «Простите, милый папочка, я вперёд не буду!» – Однако он так-таки и не сказал.

После этого случая папочка с мамочкой серьёзно совещались: как с дураком быть? Ходили, обнявшись, по зале, со всех сторон предмет рассматривали и долго ни на чём не могли сойтись.

Дело в том, что папочка был человек справедливый. И дома, и в гостях, и на улице он только об одном твердил: «Все законы писать, ежели их не исполнять». У него даже и наружность такая уморительная была, как будто он в одной руке весы держит, а другою – то золотник в чашечку поступков подбавит, то ползолотника в чашечку возмездий подкинет. Поэтому, и принимая во внимание всё вышеизложенное, он требовал, чтобы с Иванушкой было поступлено по всей строгости домашнего кодекса.

– Преступил он – следовательно, и соответствующее возмездие понести должен. Вот смотри!

И он показал мамочке табличку, в которой было изображено:

Но мамочка была мамочка – только и всего. Справедливости она не отрицала, но понимала её в каком-то первобытном смысле, в каком понимает это слово простой народ, говоря о «справедливом» человеке. Без возмездий, а вроде как бы отпущения. И как ни мало она была в юридическом отношении развита, однако в одну минуту папочку осрамила.

– За что ж мы наказывать его будем? – сказала она, – за то, что он утопающего спасти хотел? Опомнись!

Тем не менее папочка настоял-таки, что дома держать дурака невозможно, а надо отдать его в «заведение».

Регулярно-спокойный обиход заведения на первых порах отразился на дураке довольно выгодно. Ничто не бредило его восприимчивости, не пробуждало в нём внезапных движений души. В первые годы даже учения настоящего не было, а только усваивался учебный материал. Не встречалось также резкой разницы и в товарищеской среде, – такой разницы, которая вызывала бы потребность утешить, помочь. Всё шло тем средним ходом, который успех учения ставил, главным образом, в зависимость от памяти. А так как память у Иванушки была превосходная, да и сердце, к тому же, было золотое, то чуть-чуть Иванушка и впрямь из дурака не сделался умницей.

– Говорил я тебе? – торжествовал папочка.

– Ну-ну, не сердись! – отвечала мамочка, как бы винясь, что она чересчур поторопилась папочку осрамить.

Но по мере того, как объём предлагаемого знания увеличивался, дело Иванушки усложнялось. Большинство наук он совсем не понимал. Не понимал истории, юриспруденции, науки о накоплении и распределении богатств. Не потому, чтобы не хотел понимать, а воистину не понимал. И на все усовещивания учителей и наставников отвечал одно: «Не может этого быть!»

Только тогда настоящим образом узнали, что он несомненный и круглый дурак. Такой дурак, которому могут быть доступны только склады науки, а самая наука – никогда. Природа поступает, по временам, жестоко: раскрывает способности человека только в меру понимания азбучного материала, а как только дойдёт очередь, чтобы из материала делать выводы, – законопатит, и конец.

Снова сконфузился папочка и стал мамочку упрекать, что Иванушка в неё уродился. Но мамочка уж не слушала попреков, а только глаз не осушала, плакала. Неужто Иванушка так-таки навек дураком и останется!

– Да ты хоть притворись, что понимаешь! – уговаривала она Иванушку, – принудь себя, хоть немножко пойми, ну, дай, я тебе покажу!

Раскроет мамочка книжку, прочтёт «§ о порядке наследования по закону

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru «единоутробных» – и ничего-таки не понимает! Плачут оба: и дурак, и мамочка. А папочка между тем так и режет: единоутробных, прежде всего, необходимо отличать: во-первых, от единокровных; во-вторых, от тех, кои, будучи единоутробными, суть в то же время и единокровные, и, в-третьих, от червонных валецов...

– Вот папенька-то как хорошо знает! – удивлялась мамочка, заливаясь слезами.

Видя материнские слёзы, дурак напрягал нередко все свои усилия. Уйдёт, во время рекреации, в класс, сядет за тетрадку, заложит пальцами уши и начнёт долбить. Выдолбит и так отлично скажет урок, словно на бобах разведёт... И вдруг что-нибудь такое насчёт Александра Македонского ляпнет, что у учителя на плешиной голове остальные три волоса дыбом встанут.

– Садитесь! – молвит учитель, – печальная вам в будущем участь предстоит! Никогда вы государственным человеком не сделаетесь. Благодарите бога, что он дал вам родителей, которые ни в чём не замечены. Потому что, если б не это... Садитесь! и ежели можете, то старайтесь не огорчать ваших наставников возмутительными выходками!

И точно: только благодаря родительскому благонравию, дурака из класса в класс переводили, а наконец, и из заведения с чином выпустили. Но когда он домой с аттестатом явился, то мамочка, как взглянула, что там написано, так и залилась слезами. А папочка сурово спросил:

– Что ты, бесчувственный идол, набедокурил?

– Я, папочка, так себе, – ответил он, – это, должно быть, такое правило в заведении...

Даже не объяснился порядком; увидел на улице лёвку и убежал.

Лёвку он полюбил пуще прежнего, потому что бедный дурак ещё жальче стал. Как и шесть лет тому назад, он ходил босой, худой, держа руки граблями, – но весь оброс волосами и вытянулся с коломенскую версту. Милитриса Кирбитьевна давно от него отказалась: не кормила его и почти совсем не одевала. Поэтому он был всегда голоден, и если б не сердобольные торговки-калашницы, то давно бы с голоду помер. Но больше всего он страдал от уличных мальчишек. Отдыху они ему не давали: дразнились, науськивали на него собак, щипали за икры, теребили на нём рубашку. Целый день раздавался на улице его вой, сопровождаемый неистовым дурацким щёлканьем. Он выл от боли, но не понимал, откуда эта боль идёт.

Дурак защитил лёвку, обогрел, накормил и одел. Всё, что для лёвки было нужно, Иванушка брал без спроса; а ежели не знал, где найти, то требовал таким тоном, как будто самое представление об отказе ему было совершенно чуждо. Только у дураков бывает такая убеждённость в голосе, такая непререкаемость во взорах. Никого и ничего он не боялся, ни к чему не питал отвращения и совсем не имел понятия об опасности. Завидев исправника, он не перебежал на другую сторону улицы, но шёл прямо навстречу, точно ни в чём не был виноват. Случится в городе пожар – он первый идёт в огонь; услышит ли, что где-нибудь есть трудный больной – он бежит туда, садится к изголовью больного и прислуживает. И умные слова у него в таких случаях оказывались, словно он и не дурак. Одно только тяжёлым камнем лежало на его сердце: мамочка бессонные ночи проводила, пока он дурачество своё ублажал. Но было в его судьбе нечто непреодолимое, что фаталистически влекло его к самоуничтожению и самопожертвованию, и он инстинктивно повиновался этому указанию, не справляясь об ожидаемых последствиях и не допуская сделок даже в пользу кровных уз.

Не раз родители задумывались, каким бы образом дурака пристроить, чтобы он хоть мало-мальски на человека похож был. Определил было папочка его на службу чем-то вроде попечителя местного училища (без жалованья, дескать, и дурак сойдёт, а с жалованьем – даже наверное!); но дурак сразу такую ахинею понёс, что исправник, только во внимание к испытанному благонравию родителей, согласился это дело замять. Тогда мамочка напала на мысль – женить дурака: может быть, бог узы ему разрешит. Подыскали невесту, молодую купеческую вдову Подвохину. Невеста из себя писаная краля была и в гостином дворе две лавки имела. Вдовела она безупречно,

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru товар держала всегда первейшего качества и дела свои по торговле вела умело и самостоятельно. Словом сказать, лучше партии и желать не надо. Дурак, в свою очередь, тоже понравился невесте: внешность у него была приличная, поведение – кроткое. Даже ума в нём она не отрицала, как другие, но только находила, что нужно этот ум развязать. И вполне на себя надеялась, что успеет в этом.

Но у дурака все вообще инстинкты до такой степени глубоко спали, что даже эта жалостливая и скромная женщина удивилась. Ни разу он не дрогнул от прикосновения к ней, ни разу не смутился, не почувствовал ни одной из тех неловкостей, к которым с таким сердечным жалением относятся женщины, инстинктивно угадывая в них первые, сладостнейшие трепетания любви. Придёт дурак, отобедает, чаю напьётся и, по-видимому, совсем не понимает, почему он находится у Подвохиной, а не дома.

– Как это вам не скучно: ничего вы не понимаете? – спросит его красавица вдова.

– Ах, нет, мне очень скучно! Говорят, будто оттого, что занятия у меня никакого нет.

– Так вы займитесь... полюбите кого-нибудь!

– Помилуйте! как же возможно не любить! всех любить надо. Счастливых – за то, что они сумели себя счастливыми сделать; несчастных – за то, что у них радостей нет.

Так это сватовство и не состоялось. Потужила вдова Подвохина и даже пообещала годок подождать, но месяц-другой потерпела, да в рождественский мясоед и вышла замуж за городского голову Лиходеева. Теперь у них уж четыре лавки в гостином дворе; по будням они во всех четырёх лавках торг ведут: она – по галантерейной части, он – по бакалейной; а по праздникам исправника и прочих властей пирогом угощают.

А дурак засел дома на родительской шее и ухом не ведёт. На пожары бегаёт, больных выхаживает, нищих целыми табунами домой приводит.

– Хоть бы господь его прибрал! – шепчет папочка потихоньку, чтоб мамочка не слыхала.

А мамочка всё молится, на милость божью надеется. Просветит господь разум Иванушкин пониманием, направит стопы его по стезе господина исправника, его помощника и непрямого заседателя! Должен же он какую-нибудь должность по службе получить! не может быть, чтоб для всех было дело, и только для него одного – ничего.

Только один человек на дурака иными глазами взглянул, да и тот был случайный проезжий. Ехал он мимо города и завернул к папочке, с которым он старинный-старинный приятель был. Пошли сказы да рассказы: помянули старину, об увлечениях молодости досыта наговорились, а между прочим и настоящего коснулись. Папочка двери на всякий случай притворил, и оба, что было на душе, всё выложили. Объяснились. Не сказали, а подумали: «Так вот, брат, ты кто!» Разумеется, не обошлось без жалоб и на дурака; а так как с ним уж не чинились, то так-таки, в его присутствии, прямо «дураком» его и чествовали. Заинтересовался проезжий рассказами о дураке, остался ночевать у старого приятеля, а на другой день и говорит:

– Совсем он не дурак, а только подлых мыслей у него нет – от этого он и к жизни приспособиться не может. Бывают и другие, которые от подлых мыслей постепенно освобождаются, но процесс этого освобождения стоит больших усилий и нередко имеет в результате тяжёлый нравственный кризис. Для него же и усилий никаких не требовалось, потому что таких пор в его организме не существовало, через которые подлая мысль заползти бы могла. Сама природа ему это дала. А впрочем, несомненно, что настанет минута, когда наплыв жизни силою своего гнёта заставит его выбирать между дурачеством и подлостью. Тогда он поймёт. Только не советовал бы я вам торопить эту минуту, потому что как только она пройдёт, не будет на свете другого такого несчастного человека, как он. Но и тогда, – я в этом

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru убеждён, – он предпочтёт остаться дураком.

Сказал это проезжий и проследовал из города дальше. А папочка между тем задумался. Начал всю свою жизнь перебирать, припоминая, какие у него подлые мысли бывали и каким манером он освобождался от них? И, разумеется, как ни строго себя экзаменовал, но вышел из испытания с честью. Никогда у него подлых мыслей не бывало, а следовательно, и освободиться от них он надобности не ощущал. Отчего же, однако, он не дурак?

Наконец порешил на том, что у старого друга ум за разум зашёл. «Сидят они там, в петербургских мурьях, да развиваются. Разовьются, да и заврутятся. А мы вот засели по Пошехоньям: не развиваемся, да зато и не завираемся – так-то прочнее. И врёт он всё: никакого дара природы в дурачестве нет, и ежели, по милости божией, мой дурак когда-нибудь умницей сделается, то, наверное, несчастным оттого не будет, а поступит на службу, да и начнёт жить да поживать, как и прочие все».

Порешивши таким родом, стал ждать: вот-вот Иванушка просияет, и его, не в пример другим, на чреду служения призовут. Ан, вместо того, в одно прекрасное утро ему объявили, что дурак совсем из дома исчез.

* * *

Прошли годы; старики-родители очи выплакали. Не было той минуты, в которую бы они не ждали; не было той мысли, которая бы, прямо или косвенно, не относилась к исчезнувшему дураку. Всё перезабыли старики, только об одном помнили: «Где он теперь? сыт ли? одет ли? много ли дураку нужно, чтоб погибнуть!» Не дай бог врагу испытывать эту пытку родительского сердца, которое все вины на себя берёт всеми детскими стонами, в тысячекратно раздающемся эхе, раздирается!

Однако дурак воротился. Внезапно, точно так же, как и исчез. Но от прежнего цветущего здоровьем дурака не осталось и следов. Он был бледен, худ и измучен. Где он скитался? что видел? понял или не понял? – никто ничего дознаться от него не мог. Пришёл он домой и замолчал.

Во всяком случае, проезжий был прав: так до смерти и осталась при нём кличка: дурак.

1885

Либерал

В некоторой стране жил-был либерал, и притом такой откровенный, что никто слова не молвит, а он уж во всё горло гаркает: «Ах, господа, господа! что вы делаете! ведь вы сами себя губите!». И никто на него за это не сердился, а, напротив, все говорили: «Пускай предупреждает – нам же лучше!»

– Три фактора, – говорил он, – должны лежать в основании всякой общественности: свобода, обеспеченность и самостоятельность. Ежели общество лишено свободы, то это значит, что оно живёт без идеалов, без горения мысли, не имея ни основы для творчества, ни веры в предстоящие ему судьбы. Ежели общество сознаёт себя необеспеченным, то это налагает на него печать подавленности и делает равнодушным к собственной участи. Ежели общество лишено самостоятельности, то оно становится неспособным к устройству своих дел и даже мало-помалу утрачивает представление об отечестве.

Вот как мыслил либерал, и, надо правду сказать, мыслил правильно. Он видел, что кругом него люди, словно отравленные мухи, бродят, и говорил себе: «Это оттого, что они не сознают себя строителями своих судеб. Это колодники, к которым и счастье, и злосчастье приходит без всякого с их стороны предвидения, которые не отдаются беззаветно своим ощущениям, потому что не могут определить, действительно ли это ощущения, или какая-нибудь фантазмагория». Одним словом, либерал был твёрдо убеждён, что лишь упомянутые три фактора могут дать обществу прочные устои и привести за собою все остальные блага, необходимые для развития общественности.

Но этого мало: либерал не только благородно мыслил, но и рвался благое дело делать. Заветнейшее его желание состояло в том, чтобы луч света, согревавший его мысль, прорезал окрестную тьму, осенил её и всё живущее напоил благоволением.

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Всех людей он признавал братьями, всех одинаково призывал насладиться под сению излюбленных им идеалов.

Хотя это стремление перевести идеалы из области эмпириеев на практическую почву припахивало не совсем благонадёжно, но либерал так искренно пламенел, и притом был так мил и ко всем ласков, что ему даже неблагонадёжность охотно прощали. Умел он и истину с улыбкой высказать, и простачком, где нужно, прикинуться, и бескорыстием щегольнуть. А главное, никогда и ничего он не требовал наступая на горло, а всегда только по возможности.

Конечно, выражение «по возможности» не представляло для его ретивости ничего особенно лестного, но либерал примирялся с ним, во-первых, ради общей пользы, которая у него всегда на первом плане стояла, и, во-вторых, ради ограждения своих идеалов от напрасной и преждевременной гибели. Сверх того, он знал, что идеалы, его одушевляющие, имеют слишком отвлечённый характер, чтобы воздействовать на жизнь непосредственным образом. Что такое свобода? обеспеченность? самодеятельность? Всё это отвлечённые термины, которые следует наполнить несомненно осязательным содержанием, чтобы в результате вышло общественное цветение. Термины эти, в своей общности, могут воспитывать общество, могут возвышать уровень его верований и надежд, но блага осязаемого, разливающего непосредственное ощущение довольства, принести не могут. Чтобы достичь этого блага, чтобы сделать идеал общедоступным, необходимо разменять его на мелочи и уже в этом виде применять к исцелению недугов, удручающих человечество. Вот тут-то, при размене на мелочи, и вырабатывается само собой это выражение: «по возможности», которое, из двух приходящих в соприкосновение сторон, одну заставляет в известной степени отказаться от замкнутости, а другую – в значительной степени сократить свои требования.

Всё это отлично понял наш либерал и, заручившись этими соображениями, препоясавшись на брань с действительностью. И прежде всего, разумеется, обратился к сведущим людям.

– Свобода – ведь, кажется, тут ничего предосудительного нет? – спросил он их.

– Не только не предосудительно, но и весьма похвально, – ответили сведущие люди, – ведь это только клеветают на нас, будто бы мы не желаем свободы; в действительности мы только об ней и печалимся... Но, разумеется, в пределах...

– Гм... «в пределах»... понимаю! А что вы скажете насчёт обеспеченности?

– И это милости просим... Но, разумеется, тоже в пределах.

– А как вы находите мой идеал общественной самодеятельности?

– Его только и недоставало. Но, разумеется, опять-таки в пределах.

Что ж! в пределах, так в пределах! Сам либерал хорошо понимал, что иначе нельзя. Пусты-ка савраса без узды – он в один момент того накуролесит, что годами потом не поправишь! А с уздою – святое дело! Идёт саврас и оглядывается: а ну-тко я тебя, саврас, кнутом шарашну... вот так!

И начал либерал «в пределах» орудовать: там урвёт, тут урежет; а в третьем месте и совсем спрячется. А сведущие люди глядят на него и не нарадуются. Одно время даже так работой его увлеклись, что можно было подумать, что и они либералами сделались.

– Действуй! – поощряли они его, – тут обойди, здесь стушуй, а там и вовсе не касайся. И будет всё хорошо. Мы бы, любезный друг, и с радостью готовы тебя, козла, в огород пустить, да сам видишь, каким тыном у нас огород обнесён!

– Вижу-то, вижу, – соглашался либерал, – но только как мне стыдно свои идеалы ломать! так стыдно! ах, как стыдно!

– Ну, и постыдись маленько: стыд глаза не выест! зато, по возможности, всё-таки затею свою выполнишь!

Однако, по мере того, как либеральная затея по возможности осуществлялась, сведущие люди догадывались, что даже и в этом виде идеалы либерала не розами

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru пахнут. С одной стороны, чересчур широко задумано; с другой стороны – недостаточно созрело, к восприятию не готово.

– Невмоготу нам твои идеалы! – говорили либералу сведущие люди, – не готовы мы, не выдержим!

И так подробно и отчётливо все свои несостоятельности и подлости высчитывали, что либерал, как ни горько ему было, должен был согласиться, что, действительно, в предприятии его существует какой-то фаталистический огрех: не лезет в штаны, да и баста.

– Ах, как это печально! – роптал он на судьбу.

– Чудак! – утешали его сведущие люди, – есть отчего плакать! Тебе что нужно? – будущее за твоими идеалами обеспечить? – так ведь мы тебе в этом не препятствуем. Только не торопись ты, ради Христа! Ежели нельзя «по возможности», так удовольствуйся тем, что отвоюешь «хоть что-нибудь»! Ведь и «хоть что-нибудь» свою цену имеет. Помаленьку да полегоньку, не торопясь да богу помолясь – смотришь, ан одной ногой ты уж и в капище! В капище-то, с самой постройки его, никто не заглядывал; а ты взял да и заглянул... И за то бога благодари.

Делать нечего, пришлось и на этом помириться. Ежели нельзя «по возможности», так «хоть что-нибудь» старайся урвать, и на том спасибо скажи. Так либерал и поступил, и вскоре так свyksя с своим новым положением, что сам дивился, как он был так глуп, полагая, что возможны какие-нибудь иные пределы. И уподобления всякие на подмогу к нему явились. И пшеничное, мол, зерно не сразу плод даёт, а также поцеремонится. Сперва надо его в землю посадить, потом ожидать, покуда в нём произойдёт процесс разложения, потом оно даст росток, который прозябнет, в трубку пойдёт, восколосится и т. д. Вот через сколько волшебств должно перейти зерно прежде, нежели даст плод сторицею! Так же и тут, в погоне за идеалами. Посадил в землю «хоть что-нибудь» – сиди и жди.

И точно: посадил либерал в землю «хоть что-нибудь» – сидит и ждёт. Только ждёт-пождёт, а не прозябает «хоть что-нибудь» и вся недолга. На камень оно, что ли, попало или в навозе сопрело – поди, разбирай!

– Что за причина такая? – бормотал либерал в великом смущении.

– Та самая причина и есть, что загребаешь ты чересчур широко, – отвечали сведущие люди. – А народ у нас между тем слабый, расподлеющий. Ты к нему с добром, а он норовит тебя же в ложке утопить. Большую надо сноровку иметь, чтобы с этим народом в чистоте себя сохранить!

– Помилуйте! что уж теперь о чистоте говорить! С каким я запасом-то в путь вышел, а кончил тем, что весь его по дороге растерял. Сперва «по возможности» действовал, потом на «хоть что-нибудь» съехал – неужто можно и ещё дальше под гору идти?

– Разумеется, можно. Не хочешь ли, например, «применительно к подлости»?

– Как так?

– Очень просто. Ты говоришь, что принёс нам идеалы, а мы говорим: «Прекрасно; только ежели ты хочешь, чтобы мы восчувствовали, то действуй применительно».

– Ну?

– Значит, идеалами-то не превозносись, а по нашему масштабу их сократи, да применительно и действуй. А потом, может быть, и мы, коли пользу увидим... Мы, брат, тоже травленные волки, прожектёров-то видели! Намеднишь генерал Крокодилов вот этак же к нам отъявился: «Господа, говорит, мой идеал – кутузка! пожалуйте!» Мы сдуру-то поверили, а теперь и сидим у него под ключом.

Крепко задумался либерал, услышав эти слова. И без того от первоначальных его идеалов только одни ярлыки остались, а тут ещё подлость прямую для них прописывают! Ведь этак, пожалуй, не успеешь оглянуться, как и сам в подлецах очутишься. Господи! вразуми!

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
А сведущие люди, видя его задумчивость, с своей стороны, стали его понуждать.
«Коли ты, либерал, заварил кашу, так уж не мудри, вари до конца! Ты нас взбудоражил, ты же нас и убогаговори... действуй!»

И стал он действовать. И всё применительно к подлости. Попробует иногда, грешным делом, в сторону улизнуть; а сведущий человек сейчас его за рукав: «Куда, либерал, глаза скосил? гляди прямо!»

Таким образом шли дни за днями, а за ними шло вперёд и дело преуспейания «применительно к подлости». Идеалов и в помине уж не было – одна мразь осталась – а либерал всё-таки не унывал. «Что ж такое, что я свои идеалы по уши в подлости завязил? Зато я сам, яко столп, невредим стою! Сегодня я в грязи валяюсь, а завтра выглянет солнышко, обсушит грязь – я и опять молодец-молодцом!» А сведущие люди слушали эти его похвальбы и поддакивали: «Именно так!»

И вот, шёл он однажды по улице с своим приятелем, по обыкновению, об идеалах калякал и свою мудрость на чём свет превозносил. Как вдруг он почувствовал, словно бы на щеку ему несколько брызгов пало. Откуда? с чего? Взглянул либерал наверх: не дождик ли, мол? Однако видит, что в небе ни облака, и солнышко, как угорелое, на зените играет. Ветерок хоть и поддувает, но так как помой из окон выливать не указано, то и на эту операцию подозрение положить нельзя.

– Что за чудо! – говорит приятелю либерал, – дождя нет, помоев нет, а у меня на щёку брызги летят!

– А видишь, вон за углом некоторый человек притаился, – ответил приятель, – это его дело! Плюнуть ему на тебя за твои либеральные дела захотелось, а в глаза сделать это смелости не хватает. Вот он, «применительно к подлости», из-за угла и плюнул; а на тебя ветром брызги нанесло.

1885

Баран-непомнящий

Домашние бараны с незапамятных времён живут в порабощении у человека; их настоящие родоначальники неизвестны.

Брэм

Были ли когда-нибудь домашние бараны «вольными» – история об этом умалчивает. В самой глубокой древности патриархи уже обладали стадами прирученных баранов, и затем через все века баран проходит распространённым по всему лицу земли в качестве животного, как бы нарочито на потребу человека созданного. Человек, в свою очередь, создаёт целые особые породы баранов, почти не имеющие между собою ничего общего. Одних воспитывают для мяса, других – для сала, третьих – ради тёплых овчин, четвёртых – ради обильной и мягкой волны.

Сами домашние бараны, конечно, всего меньше о вольном прародителе своём помнят, а просто знают себя принадлежащими к той породе, в которой застал их момент рождения. Этот момент составляет исходную точку личной бараньей истории, но даже и он постепенно тускнеет, по мере вступления барана в зрелый возраст. Так что истинно мудрым называется только тот баран, который ничего не помнит и не сознаёт, кроме травы, сена и мяска, предлагаемых ему в пищу.

Однако грех да беда на кого не живёт. Спал однажды некоторый баран и увидел сон. Должно быть, не одну мяска во сне видел, потому что проснулся тревожный и долго глазами чего-то искал.

Стал он припоминать, что такое случилось; но, хоть убей, ничего вспомнить не мог. Даль какая-то, серебряным светом подёрнутая, и больше ничего. Только смутное ощущение этой бесформенной серебряной дали осталось в нём, но никакого определённого очертания, ни одного живого образа...

– Овца! а овца! что я такое во сне видел? – спросил он лежащую рядом овцу, которая, яко воистину овца, отроду снов не видала.

– Спи, выдумщик! – сердито отвечала овца. – Не для того тебя из-за моря привезли, чтоб сны видеть да модника из себя представлять!

Баран был породистый английский меринос. Помещик Иван Созонтыч Растаковский шальные деньги за него заплатил и великие на него надежды возлагал. Но, конечно, не для того он его из-за моря вывез, чтоб от него поколение умных баранов пошло, а для того, чтоб он создал для своего хозяина стадо тонкорунных овец.

И в первое время по приезде его на место баран действительно зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Ни о чём он не рассуждал, ничем не интересовался, даже не понимал, куда и зачем его привезли, а просто-напросто жил да поживал. Что же касается до вопроса о том, что такое баран и какие его права и обязанности, то баран не только никаких пропаганд по этому предмету не распространял, но едва ли даже подозревал, что подобные вопросы могут бараньи головы волновать. Но это-то именно и помогало ему выполнять баранье дело настолько пунктуально и добросовестно, что Иван Созонтыч и сам нарадоваться на него не мог и соседей любоваться водил: «Смотрите!»

И вдруг этот сон... Что это был за сон, баран решительно не мог сообразить. Он чувствовал только, что в существование его вторглось нечто необычное, какая-то тревога, тоска. И хлев у него, по-видимому, тот же, и корм тот же, и то же стадо овец, предоставленное ему для усовершенствования, а ему ни до чего как будто бы дела нет. Бродит он по хлеву, как потерянный, и только и дела блеет:

– Что такое я во сне видел? растолкуйте мне, что такое я видел?

Но овцы не выказывали ни малейшего сочувствия к его тревогам и даже не без ядовитости называли его умником и философом, что, как известно, на овечьем языке имеет значение худшее, нежели «моветон».

С тех пор как он начал сны видеть, овцы с горечью вспоминали о простом, шлёнской породы, баране, который перед тем четыре года сряду ими помыкал, но под конец, за выслугу лет, был определён на кухню и там без вести пропал (видели только, как его из кухни на блюде с триумфом в господский дом пронесли). То-то был настоящий служилый баран! Никогда никаких снов он не видел, никаких тревог не ощущал, а делал своё дело по точному разуму бараньего устава – и больше ничего знать не хотел. И что же! его, старого и испытанного слугу, уволили, а на его место определили какого-то празднюльщика, мечтателя, который с утра до вечера неведомо о чём блеет, а они, овцы, между тем ходят яловы!

– Совсем нас этот аглецкой олух не совершенствует! – жаловались овцы овчару Никите. – Как бы нам за него, за фюфана, перед Иваном Созонтычем в ответе не быть?

– Успокойтесь, милые! – обнадёжил их Никита. – Завтра мы его выстрижем, а потом крапивою высечем – шёлковый будет!

Однако расчёты Никиты не оправдались. Барана выстригли, высекли, а он в ту же ночь опять сон увидел.

С этих пор сны не покидали его. Не успеет он ноги под себя подогнуть, как дрема уже сторожит его, не разбирая, день или ночь на дворе.

И как только он закроет глаза, то весь словно преобразится, и лицо у него словно не баранье делается, а серьёзное, строгое, как у старого, благомысленного мужичка из тех, что в старинные годы «министрами» называли. Так что всякий, кто ни пройдёт мимо, непременно скажет: «Не на скотном дворе этому барану место – ему бы бурмистром следовало быть!»

Тем не менее, сколько он ни подстерегал себя, чтобы восстановить в памяти только что виденный сон, усилия его по-прежнему оставались напрасными.

Он помнил, что во сне перед ним проходили живые образы и даже целые картины, созерцание которых приводило его в восторженное состояние; но как только бодрственное состояние возвращалось, и образы и картины исчезали неведомо куда, и он опять становился заурядным бараном. Вся разница заключалась лишь в том, что прежде он бодро шёл навстречу своему бараньему делу, а теперь ходил

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
ошеломлённый, чего-то, сдуру, искал, а чего именно – сам себе объяснить не мог...
Баран, да ещё меланхолик – что, кроме ножа, может ожидать его в будущем?!

Но, кроме перспективы ножа, положение барана и само по себе было мучительно. Нет боли горшей, нежели та, которую приносят за собой бессильные порывания от тьмы к свету встревоженной бессознательности. Пристигнутое внезапной жадой бесформенных чаяний, бедное, подавленное существо мечется и изнемогает, не умея определить ни характера этих чаяний, ни источника их. Оно чувствует, что сердце его объято пламенем, и не знает, ради чего это пламя зажглось; оно смутно чует, что мир не оканчивается стенами хлева, что за этими стенами открываются светлые, радужные перспективы, и не умеет наметить даже признаки этих перспектив; оно предчувствует свет, простор, свободу – и не может дать ответа на вопрос: что такое свет, простор, свобода...

По мере учащения снов, волнение барана всё больше и больше росло. Ниоткуда не видел он ни сочувствия, ни ответа. Овцы с испугу жались друг к другу при его приближении; овчар Никита хотя, по-видимому, и знал нечто, но упорно молчал. Это был умный мужик, который до тонкости проник баранье дело и признавал для баранов только одну обязательную аксиому:

– Коли ты в бараньем сословии уродился, – говорил он солидно, – в ём, значит, и живи!

Но именно этого-то баран и не мог выполнить. Именно «сословие» – то его и мучило, не потому, что ему худо было жить, а потому, что с тех пор, как он стал сны видеть, ему постоянно чуялось какое-то совсем другое «сословие».

Он не был в состоянии воспроизвести свои сны, но инстинкты его были настолько возбуждены, что, несмотря на неясность внутренней тревоги, поднявшейся в его существе, он уже не мог справиться с нею.

Тем не менее, с течением времени, тревоги его начали утихать, и он как будто даже остепенел. Но успокоение это не было последствием трезвого решения вступить на прежнюю баранью колею, а, напротив, скорее свидетельствовало об общем обессилении бараньего организма. Поэтому и пользы от него не вышло никакой.

Баран, – очевидно, с предвзятым намерением, – с утра до вечера спал, как будто искал обрести во сне те сладостные ощущения, в восстановлении которых отказывала ему бодрственная действительность...

В то же время он с каждым днём всё больше и больше чах и хирел, и наконец сделался до того поразительно худ, что глупые овцы, завидев его, начинали чихать и насмешливо между собой перешёптываться. И по мере того как неразгаданный недуг овладевал им, лицо его становилось осмысленнее и осмысленнее. Овчары все до единого жалели об нём. Все знали, что он честный и бодрый баран и что ежели он не оправдал хозяйских надежд, то не по своей вине, а единственно потому, что его постигло какое-то глубокое несчастье, вовсе баранам не свойственное, но в то же время, – как многие инстинктивно догадывались, – делающее ему лично великую честь.

Сам Иван Созонтыч сочувственно относился к страданиям барана. Не раз овчар Никита намекал, что самая лучшая развязка в таком загадочном деле – нож, но Растаковский упорно отклонял это предложение.

– Плакали мои денежки, – говорил он, – но не затем я их платил, чтобы шкурой его воспользоваться. Пускай своей смертью умрёт!

И вот вожделенный момент просияния наступил. Над полями мерцала тёплая, облитая лунным светом июньская ночь; тишина стояла кругом непробудная; не только люди притаились, но и вся природа как бы застыла в волшебном оцепенении.

В бараньем загоне всё спало. Овцы, понуриив головы, дремали около изгороди. Баран лежал одиноко посередке загона. Вдруг он быстро и тревожно вскочил. Выпрямил ноги, вытянул шею, поднял голову кверху и всем телом дрогнул. В этом выжидающем положении, как бы прислушиваясь и всматриваясь, простоял он несколько минут, и затем сильное, потрясающее бляньё вырвалось из его груди...

Заслышав эти торжественно-агонизирующие звуки, овцы в испуге повскакали с своих

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru мест и шарахнулись в сторону. Сторожевой пёс тоже проснулся и с лаем бросился приводить в порядок всполошившееся стадо. Но баран уже не обращал внимания на происшедший переполох: он весь ушёл в созерцание.

Перед тускнеющим его взором воочию развернулась сладостная тайна его снов...

Ещё минута – и он дрогнул в последний раз. Засим ноги сами собой подогнулись под ним, и он мёртвый рухнул на землю.

Иван Созонтыч был очень смертью его огорчён.

– И что за причина такая? – сетовал он вслух, – всё был баран как баран, и вдруг словно его осетило... Никита! ты пятьдесят лет в овчарах состоишь, стало быть, должен дурью эту породу знать: скажи, отчего над ним такая беда стряслась?

– Стало быть, «вольного барана» во сне увидел, – ответил Никита, – увидеть-то во сне увидел, а сообразить настоящим манером не мог... Вот он сначала затосковал, а со временем и издох. Всё равно, как из нашего брата бывает...

Но Иван Созонтыч от дальнейшего объяснения уклонился.

– Сие да послужит нам уроком! – похвалил он Никиту, – в другом месте из этого барана, может быть, козёл бы вышел, а по нашему месту такое правило: ежели ты баран, так и оставайся бараном без дальних затей. И хозяину будет хорошо, и тебе хорошо, и государству приятно. И всего у тебя будет довольно: и травы, и сена, и мяски. И овцы к тебе будут ласковы... Так ли, Никита?

– Это так точно, Иван Созонтыч! – отозвался Никита.

1885

Коняга

Коняга лежит при дороге и тяжело дремлет. Мужичок только что выпряг его и пустил покормиться. Но Коняге не до корма. Полоса выбралась трудная, с камешком: в великую силу они с мужичком её одолели.

Коняга – обыкновенный мужичий живот, замученный, побитый, узкогрудый, с выпяченными рёбрами и обожжёнными плечами, с разбитыми ногами. Голову Коняга держит понуро; грива на шее у него свалась; из глаз и ноздрей сочится слезь; верхняя губа отвисла, как блин. Немного на такой животине наработаешь, а работать надо. День-деньской Коняга из хомута не выходит. Летом с утра до вечера землю работает; зимой, вплоть до ростепели, «произведения» возит.

А силы Коняге набраться неоткуда: такой ему корм, что от него только зубы нахлопаешь. Летом, покуда в ночную гоняют, хоть травкой мяконькой поживится, а зимой перевозит на базар «произведения» и ест дома резку из прелой соломы. Весной, как в поле скотину выгонять, его жердями на ноги поднимают; а в поле ни травинки нет; кой-где только торчит махрами созревшая ветошь, которую прошлой осенью скотский зуб ненароком обошёл.

Худое Конягино житьё. Хорошо ещё, что мужик попался добрый и даром его не калечит. Выедут оба с сохой в поле: «Ну, милый, упирайся!» – услышит Коняга знакомый окрик и понимает. Всем своим жалким остовом вытянется, передними ногами упирается, задними – забирает, морду к груди пригнёт. «Ну, каторжный, вывози!» А за сохой сам мужичок грудью напирает, руками, словно клещами, в соху впился, ногами в комьях земли грузнет, глазами следит, как бы соха не sluкавила, огреха бы не дала. Пройдут борозду из конца в конец – и оба дрожат: вот она, смерть, пришла! Обоим смерть – и Коняге и мужику; каждый день смерть.

Пыльный мужицкий просёлок узкой лентой от деревни до деревни бежит; юркнет в посёлок, вынырнет и опять неведомо куда побегит. И на всём протяжении, по обе стороны, его поля сторожат. Нет конца полям; всю ширь и даль они заполонили; даже там, где земля с небом слилась, и там всё поля. Золотящиеся, зеленеющие,

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
обнажённые – они железным кольцом охватили деревню, и нет у неё никуда выхода, кроме как в эту зияющую бездну полей. Вон он, человек, вдали идёт; может, ноги у него от спешной ходьбы подсекаются, а издали кажется, что он всё на одном месте топчется, словно освободиться не может от одолевающего пространства полей. Не вглубь уходит эта малая, едва заметная точка, а только чуть тускнеет. Тускнеет, тускнеет и вдруг неожиданно пропадёт, точно пространство само собой её засосёт.

Из века в век цепенеет грозная, неподвижная громада полей, словно силу сказочную в плену у себя сторожит. Кто освободит эту силу из плена? кто вызовет её на свет? Двум существам выпала на долю эта задача: мужику да Коняге. И оба от рождения до могилы над этой задачей бьются, пот проливают кровавый, а поле и поднесь своей сказочной силы не выдало, – той силы, которая разрешила бы узы мужику, а Коняге исцелила бы наболевшие плечи.

Лежит Коняга на самом солнечном припёке; кругом ни деревца, а воздух до того накалился, что дыхание в гортани захватывает. Изредка пробежит по просёлку вихрами пыль, но ветер, который поднимает её, приносит не освежение, а новые и новые ливни зноя. Оводы и мухи, как бешеные, мечутся над Конягой, забиваются к нему в уши и в ноздри, впиваются в побитые места, а он – только ушами автоматически вздрагивает от укулов. Дремлет ли Коняга, или помирает – нельзя угадать. Он и пожаловаться не может, что всё нутро у него от зноя да от кровавой натуги сожгло. И в этой утехе бог бессловесной животине отказал.

Дремлет Коняга, а над мучительной агонией, которая заменяет ему отдых, не сновидения носятся, а бессвязная подавляющая хмара. Хмара, в которой не только образов, но даже чудищ нет, а есть громадные пятна, то чёрные, то огненные, которые и стоят, и движутся вместе с измученным Конягой, и тянут его за собой всё дальше и дальше в бездонную глубину.

Нет конца полю, не уйдёшь от него никуда! Исходил его Коняга с сохой вдоль и поперёк, и всё-таки ему конца-краю нет. И обнажённое, и цветущее, и цепенеющее под белым саваном – оно властно раскинулось вглубь и вширь, и не на борьбу с собою вызывает, а прямо берёт в кабалу. Ни разгадать его, ни покорить, ни истощить нельзя: сейчас оно помертвело, сейчас – опять народилось. Не поймёшь, что тут смерть и что жизнь. Но и в смерти, и в жизни первый и неизменный свидетель – Коняга. Для всех поле раздолье, поэзия, простор; для Коняги оно – кабала. Поле давит его, отнимает у него последние силы и всё-таки не признаёт себя сытым. Ходит Коняга от зари до зари, а впереди его идёт колышущееся чёрное пятно и тянет, и тянет за собой. Вот теперь оно колышется перед ним, и теперь ему, сквозь дремоту, слышится окрик: «Ну, милый! ну, каторжный! ну!»

Никогда не потухнет этот огненный шар, который от зари до зари льёт на Конягу потоки горячих лучей; никогда не прекратятся дожди, грозы, вьюги, мороз... Для всех природа – мать, для него одного она – бич и истязание. Всякое проявление её жизни отражается на нём мучительством, всякое цветение – отравой. Нет для него ни благоухания, ни гармонии звуков, ни сочетания цветов; никаких ощущений он не знает, кроме ощущения боли, усталости и злосчастия. Пускай солнце напоят природу теплом и светом, пускай лучи его вызывают к жизни и ликование – бедный Коняга знает о нём только одно: что оно прибавляет новую отраву к тем бесчисленным отравам, из которых соткана его жизнь.

Нет конца работе! Работой исчерпывается весь смысл его существования; для неё он зачат и рождён, и вне её он не только никому не нужен, но, как говорят расчётливые хозяева, представляет ущерб. Вся обстановка, в которой он живёт, направлена единственно к тому, чтобы не дать замереть в нём той мускульной силе, которая исходит из себя возможность физического труда. И корма, и отдыха отмеривается ему именно столько, чтобы он был способен выполнить свой урок. А затем пускай поле и стихии калечат его – никому нет дела до того, сколько новых ран прибавилось у него на ногах, на плечах и на спине. Не благополучие его нужно, а жизнь, способная выносить иго работы. Сколько веков он несёт это иго – он не знает; сколько веков предстоит нести его впереди – не рассчитывает. Он живёт, точно в тёмную бездну погружается, и из всех ощущений, доступных живому организму, знает только ноющую боль, которую даёт работа.

Самая жизнь Коняги запечатлена клеймом бесконечности. Он не живёт, но и не умирает. Поле, как головоног, присосалось к нему бесчисленными щупальцами и не спускает его с урочной полосы. Какими бы наружными отличками ни наделил его случай, он всегда один и тот же: побитый, замученный, еле живой. Подобно этому

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru полю, которое он орошает своею кровью, он не считает ни дней, ни лет, ни веков, а знает только вечность. По всему полю он разбрёлся, и там и тут одинаково вытягивается всем своим жалким остовом, и везде всё он, всё один и тот же, безымянный Коняга. Целая масса живёт в нём, неумирающая, нерасчленимая и неистребимая. Нет конца жизни – только одно это для этой массы и ясно. Но что такое сама эта жизнь? зачем она опутала Конягу узами бессмертия? откуда она пришла и куда идёт? – вероятно, когда-нибудь на эти вопросы ответит будущее... Но, может быть, и оно останется столь же немо и безучастно, как и та тёмная бездна прошлого, которая населила мир привидениями и отдала им в жертву живых.

Дремлет Коняга, а мимо него пустоплясы проходят. Никто, с первого взгляда, не скажет, что Коняга и Пустопляс – одного отца дети. Однако предание об этом родстве ещё не совсем заглохло.

Жил, во времена оны, старый конь, и было у него два сына: Коняга и Пустопляс. Пустопляс был сын вежливый и чувствительный, а Коняга – неотёсанный и бесчувственный. Долго терпел старик Конягину неотёсанность, долго обоих сыновей вёл ровно, как подобает чадолюбивому отцу, но наконец рассердился и сказал: «Вот вам на веки вечные моя воля: Коняге – солома, а Пустоплясу – овёс». Так с тех пор и пошло. Пустопляса в тёплое стойло поставили, соломки мяконькой постелили, медовой сытой напоили и пшена ему в ясли засыпали; а Конягу привели в хлев и бросили охапку прелой соломы: «Хлопай зубами, Коняга! А пить – вон из той лужи».

Совсем было позабыл Пустопляс, что у него братец на свете живёт, да вдруг с чего-то загрустил и вспомнил. «Надоело, говорит, мне стойло тёплое, прискучила сыта медовая, не лезет в горло пшено ярое; пойду, проведаю, каково-то мой братец живёт!»

Смотрит – ан братец-то у него бессмертный! Бьют его чем ни попадя, а он живёт; кормят его соломою, а он живёт! И в какую сторону поля ни взгляни, везде всё братец орудует; сейчас ты его здесь видел, а мигнул глазом – он уж вон где ногами вывёртывает. Стало быть, добродетель какая-нибудь в нём есть, что палка сама об него сокрушается, а его сокрушить не может!

И вот начали пустоплясы кругом Коняги похаживать.

Один скажет:

– Это оттого его ничем донять нельзя, что в нём от постоянной работы здравого смысла много накопилось. Понял он, что уши выше лба не растут, что плетью обуха не перешибёшь, и живёт себе смирёнонько, весь опутанный пословицами, словно у Христа за пазушкой. Будь здоров, коняга! Делай своё дело, бди!

Другой возразит:

– Ах, совсем не от здравого смысла так прочно сложилась его жизнь! Что такое здравый смысл? Здравый смысл, это – нечто обыденное, до пошлости ясное, напоминающее математическую формулу или приказ по полиции. Не это поддерживает в Коняге несокрушимость, а то, что он в себе жизнь духа и дух жизни носит! И покуда он будет вмещать эти два сокровища, никакая палка его не сокрушит!

Третий молвит:

– Какую вы, однако, галиматью городите! Жизнь духа, дух жизни – что это такое, как не пустая перестановка бессодержательных слов? Совсем не потому Коняга неуязвим, а потому, что он «настоящий труд» для себя нашёл. Этот труд даёт ему душевное равновесие, примиряет его и со своей личной совестью и с совестью масс, и наделяет его тою устойчивостью, которую даже века рабства не могли победить! Трудись, коняга! упирайся! загребай! и почерпай в труде ту душевную ясность, которую мы, пустоплясы, утратили навсегда.

А четвёртый (должно быть, прямо с конюшни от кабатчика) присовокупляет:

– Ах, господа, господа! всё-то вы пальцем в небо попадаете! Совсем не оттого нельзя Конягу донять, чтобы в нём особенная причина засела, а оттого, что он спокоен веку к своей юдоли привычен. Теперича хоть целое дерево об него обломай, а он всё жив. Вон он лежит – кажется, и духу-то в нём нисколько не осталось, – а взбодри его хорошенько кнутом, он и опять ногами вывёртывать пошёл. Кто к какому

Премудрый пискарь (сборник). Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru делу приставлен, тот то дело и делает. Сосчитайте-ка, сколько их, калек этаких, по полю разбрелось – и все как один. Калечьте их теперича сколько угодно – их вот ни на эстолько не убавится. Сейчас – его нет, а сейчас – он опять из-под земли выскочил.

И так как все эти разговоры не от настоящего дела завелись, а от грусти, то поговорят-поговорят пустоплясы, а потом и перекосятся начнут. Но, на счастье, как раз в самую пору проснётся мужик и разрешит все споры словами:

– Н-но, каторжный, шевелись!

Тут уж у всех пустоплясов заодно дух от восторга займётся.

– Смотрите-ка, смотрите-ка! – закричат они вкуче и влюбе, – смотрите, как он вытягивается, как он передними ногами упирается, а задними загребает! Вот уж именно дело мастера боится! Упирайся, Коняга! Вот у кого учиться надо! вот кому надо подражать! Н-но, каторжный, н-но!

1885

Сноски

1 Свидание (от фр. *rendez-vous*).

2 Аридовы (аредовы) веки – выражение, означающее долголетие.

3 Возможно ли не рассмеяться, друзья! (лат.)

4 Газеты (от голл. *courant*).

5 «Подобное подобным излечивается» (лат.).

6 Позволять, не мешать! (фр.)

7 Никсы – в немецких народных верованиях – русалки.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!